

Михаил Маришин

**Вместо
сердца –
пламенный
мотор**

Реинкарнация Победы – 2

Михаил Маришин

**Вместо сердца – пламенный
мотор. Реинкарнация Победы – 2**

«Издательские решения»

Маришин М.

Вместо сердца – пламенный мотор. Реинкарнация Победы – 2 /
М. Маришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517499-4

Прямой путь — далеко не всегда самый короткий. И, тем более, верный. Попытавшись решить задачу «в лоб», главный герой сталкивается с неожиданной реакцией своего нового мира и едва не погибает. Потеряв многое, он вынужден начать всё с начала, выучив урок и скорректировав свои цели.

ISBN 978-5-00-517499-4

© Маришин М.
© Издательские решения

Вместо сердца – пламенный мотор Реинкарнация Победы – 2

Михаил Маришин

© Михаил Маришин, 2020

ISBN 978-5-0051-7499-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-6750-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маришин Михаил

**Серия: Реинкарнация Победы. Книга вторая.
(Звоночек-2)**

«Вместо сердца – пламенный мотор»

Затянувшийся отпуск

Эпизод 1

А как прекрасно всё начиналось! Пусть предложение отдохнуть и было оформлено доведённым до ручки Лаврентием Павловичем как выбор между южным берегом Белого моря или северным Чёрного, но поступило оно своевременно. Я и сам подумывал, что пора остановиться и осмотреться, но всё время тянулся, как ишак за морковкой – ещё чуть-чуть, вот это доделать, результатов вот этих испытаний дожидаться, проверить новое предложение молодого конструктора. В результате всё так бы и шло, если бы не попытка навешать мне оплеух. Некрасивая, конечно, история получилась, особенно перед Чаромским неудобно теперь. Ну что мне стоило выразить своё мнение потактичнее? Нет, рубанул правду-матку. А потом бегал от Туполева по кабинету, уходя от ударов. Бить светило советской авиапромышленности в ответ я себе позволить не мог, вдруг мозги отшибу, кто тогда бомбардировщики делать будет? Хорошо, что Коля-телохранитель заскочил в кабинет и, правильно оценив ситуацию, навёл порядок, ловко скрутив Андрея Николаевича и не повредив при этом его драгоценную голову.

Так и пришлось, бросив всё, срочно выехать на юг. Впрочем, за три месяца сделано было немало. Новый ТНВД был практически уже готов, благодаря тому, что в нём широко использовались детали предыдущего. Механизм опережения впрыска и регулировки подачи топлива остался практически без изменений. Абсолютно новыми деталями были двух- или четырёх-позиционные вращающиеся клапаны-распределители. Для того чтобы обеспечить их привод, пришлось изменить компоновку ТНВД и расположить плунжеры параллельно валу двигателя, что в свою очередь потребовало введения в конструкцию нового кольцевого толкателя с двумя или четырьмя выступами. И если клапана были упрощением конструкции, даже в случае оппозитного двигателя, снижавшим количество прецизионных деталей насоса с четырёх до трёх, то толкатель потребовал достаточно кропотливой работы по поиску оптимальной технологии его серийного изготовления, которая до сих пор не завершена. Минусом была и необходимость упорного подшипника между кольцом толкателя и картером двигателя. В общем, это был некий компромисс между распределительным и многоплунжерным типами ТНВД, позво-

ляющий строить двух- и четырёхцилиндровые моторы, такие как сто второй и сто четвёртый, всего с одним плунжером, а добавив второй – четырёх- или восьмицилиндровые Х-образники. Опытный образец сейчас как раз проходил испытания на ресурс на стенде в комплекте с ЗИЛ-Д-100-2, если мотор сдохнет первый – мы победили.

А вот с танковыми моторами вышла натуральная засада. Или подстава – даже не знаю, как сказать. Ленинградцы, решив самостоятельно форсировать Д-130 до пятисот сил, увеличили наддув и подачу топлива. При таком подходе подшипник компрессора должен был развалиться сразу, но каким-то чудом он выдержал те несколько минут, что потребовались, чтобы оборвались внешние шатуны, и поршень, пробив картер, вылетел в цех, как из пушки. В результате взрыва и пожара никто серьёзно не пострадал, что могло отрезвить излишне ретивых. Конструкцию усилили, добились всего трехсот сил, по сравнению с исходными двумястами восьмьюдесятью – из-за увеличения массы подвижных частей. Следующим шагом было увеличение рабочего объёма за счёт удлинения цилиндра. Это потребовало времени и радикального пересмотра всей конструкции, но мощность даже снизилась из-за плохой продувки чрезмерно длинного котла. К тому же двигатель не лез в МТО Т-28 по ширине. Тут-то мне и настучали про их художества. Когда приехал разбираться, оказалось, что они ещё и исходные чертежи и часть оснастки... утратили, в общем. Получилось, что мы оказались дальше от намеченной цели, чем были даже в январе. Пришлось удовлетворять запросы танкостроителей за счёт московского опытного цеха, что, в свою очередь, задержало работы по 134-му двигателю. Этот мотор, за исключением компрессора, работы по которому шли с трудом в основном из-за недоступности вычислительных мощностей, был готов только на бумаге и ожидал очереди на постройку. В отличие от Чаромского, нам не нужно было обеспечивать работу мотора в любом положении, поэтому, позаимствовав у него коленвал и центральный картер, мы ограничились только введением дополнительного, соединяющего два нижних цилиндра, картера-фундамента с клапанами вместо кольцевой масляной магистрали. Такая конструкция теоретически допускала штатную долговременную работу при крене до тридцати пяти градусов, что для танка вполне достаточно. Попутно прорабатывался вариант, который я хотел предложить морякам. Он отличался тем, что блок был установлен на ребро – для уменьшения ширины и более удобного размещения в машинном отделении корабля или подлодки. Он мог работать в любых условиях, если только судно не совершит оверкиль.

Вот так, оставив КБ на назначенного Берией после моих январских стенаний о нехватке кадров заместителя – Николая Романовича Брилинга, досрочно освобождённого по такому случаю – схватив в охапку жену, в свою очередь оставившую хозяйство на Машу, и, само собой, сына, двадцать пятого апреля я уже ехал в поезде. Соседнее купе занимали мои прикреплённые, а ещё в вагоне разместились семеро погранцов, выпускников Ново-Петергофской школы, оказавшиеся нашими попутчиками до самого пункта назначения. Эта тёплая компания получила с моей лёгкой руки коллективное прозвище «товарищи однофамильцы», так как каждый из них был настолько просветлён уставом, что даже во хмелю обращался к сослуживцу «товарищ такой-то». Впрочем, произносилось это с особенной интонацией и нескрываемым шиком, как бы подчёркивая принадлежность к закрытой группе или касте, отделяя своих от чужих. Погранцы были «везунчиками», закончившими школу с отличием, поэтому их было решено оставить на преподавательских должностях, и границу теперь они увидят нескоро. Пятеро таких же счастливых, получив отпуск, решили ехать к родне, а эти всем скопом рванули по путёвке в санаторий. Я ехал и пытался разрешить вопрос, не нарочно ли это подстроено? «Усиление конвоя» выглядело просто идеально: народ дисциплинированный, служат в одном месте, все под присмотром. Но их выпустили двадцатого апреля, как раз тогда, когда случился инцидент с Туполевым. Получалось, что это либо чистая случайность, либо АНТ – провокатор Меркулова. Поймав себя на мысли, что страдаю манией преследования, решил не забивать себе голову и принимать обстоятельства такими, каковы они есть.

Поезд довёз нас до Новороссийска, где мы, погуляв по городу и прикупив по случаю лёгкую летнюю одежду и обувь, пересели на рейс Черноморского пароходства до Батума, так как железная дорога по каким-то причинам временно не функционировала. Ходили слухи, что она реконструируется. Все попытки переодеть наших прикрепленных в более удобную «гражданку» натолкнулись на глухую стену непонимания, и мы продолжали привлекать к себе внимание, постоянно находясь в обществе сразу трёх милиционеров в форме. От Батума наш путь лежал на север, снова по железной дороге, проехав по которой около двадцати километров, мы вышли на станции недалеко от скалистого мыса Цихисdziри. Там, в тени садов, притаилось трёхэтажное здание восточной архитектуры, бывшее ранее усадьбой какого-то аристократа, а теперь – ужасно секретным санаторием ОГПУ. Объект охранял аж целый сторож-грузин, лет семидесяти на вид, выходявший к воротам только тогда, когда надо было впустить автомобиль.

Внутри «советизированный» особняк представлял собой типичный пример нарождающейся пролетарской архитектуры. Некогда просторные внутренние помещения были разделены внутренними перегородками на клетушки, в каждой из которых помещалось три железные кровати и столько же тумбочек. Комнаты были объединены попарно в блоки и имели одну общую прихожую, в которой стояла пара шкафов. Столовая, единственное не реконструированное помещение первого этажа, была общей, как и «баня», на самом деле являвшаяся душевой, совмещённой с прачечной. Контингент отдыхающих был достаточно однородным – в основном молодые командиры погранвойск с «северов», многие семейные, с жёнами и детьми. Всего набиралось около полутора десятков пар и столько же холостяков, но с прибытием нашей группы соотношение ощутимо изменилось. Погранцы спешили использовать период весенней слякоти и хорошенько отдохнуть перед открытием очередного «летнего сезона охоты» на буржуйских нарушителей рубежей социалистического отечества.

Следующие три недели были для меня самым беззаботным временем за последние годы. Немного напрягало только повышенное внимание к моей персоне врача-психиатра. Но, к несчастью для врача, бывшего молодой и очень привлекательной женщиной, моя жена поняла всё по-своему, поэтому красавица Ольга Павловна, к величайшему сожалению всей холостяцкой компании, сама уехала «на лечение» в неизвестном направлении. Повод был существенный: на протяжении пяти суток, по нескольку раз за ночь, она будила весь санаторий душевнораздирающими воплями. Причём последний раз она кричала не одна, а на пару с Колей-телохранителем, который воспользовался тем, что Ольга уже второй день пыталась лечиться алкоголем, напросился к ней «в гости», пообещав пуще глаза беречь покой и сон. Так и остались мы только с терапевтом и хирургом.

С первым у меня сложились самые замечательные отношения, поскольку он, поглядев на мои зарядки с прикрепленными, тут же объявил меня внештатным физкультурником. Хирург же, глядя на то же самое, занервничал и, наблюдая за нами, постоянно возмущался.

– Товарищ Любимов! Что вы делаете?! Вы же ему так шею свернёте!

А уж мои ответы, что я, собственно, к этому и стремлюсь, выводили его из себя, и он начинал посвящать нас в подробности анатомии человеческого организма и того, что с ним ни в коем случае не следует делать. Надо ли говорить, что его рекомендации мы использовали с точностью до наоборот?

Теперь моё утро начиналось в шесть часов с тренировки, в ходе которой мы отрабатывали перво-наперво основной приём рукопашного боя – изматывание противника длительным бегом. После пробежки шла разминка, силовые упражнения, которые за неимением спортивного инвентаря сводились к отжиманиям на одной руке и приседаниям на одной ноге в разных положениях, что позволяло не только нагружать практически все группы мышц, а заодно тренироваться держать равновесие в самых немыслимых позах. Среди вовлечённых нами погранцов даже нашёлся уникум, сумевший за эти три недели не только научиться ходить на руках, но и отжиматься в таком положении всего на одной.

Далее следовал рукопашный бой, разделённый на две части – общеспортивную, в ходе которой отрабатывались различные удары и броски, причём, учитывая контингент, я делал особый акцент на работу руками, ибо у нас на границе либо снег по колено, либо трава по пояс; и самую интересную – боевую. Здесь уже всё было заточено под то, чтобы максимально быстро вывести противника из строя. Строго говоря, это уже не было рукопашкой в строгом смысле, потому что учились работать как с оружием, огнестрельным и холодным, так и против него. Добавляло интереса и то, что в ход шли всевозможные вводные, разыгрывались различные тактические ситуации вроде «снять часового» или «уничтожить патруль». К пограничной службе это имело непосредственное отношение, правда, с обратным знаком. На резонный вопрос недавнего курсанта Хабарова пришлось произнести маленькую, но ёмкую речь.

– Ваши старшие товарищи меня наверняка поддержат в том, что любая борьба предполагает как минимум двух противников. И чтобы иметь больше шансов на победу, противника нужно изучать, ставить себя на его место. Иными словами, чтобы быть хорошим пограничником, надо постоянно думать, как границу можно преодолеть, предвидя и предвосхищая действия нарушителей. То же самое касается и наших тренировок – кто умеет снять часового, тот имеет лучшие шансы будучи на посту отразить нападение.

После рукомашества следовали водные процедуры – все дружно лезли в прохладное ещё весеннее море, что для северян, разгорячённых борьбой, было в порядке вещей. Солёная вода обнимала тела, смывая пот, песок и усталость, охлаждала, снимая боль, в изобилии наставленные друг другу синяки и шишки. Наплававшись вволю, мы обычно успевали вернуться к завтраку к девяти часам утра.

Очень быстро в наших зарядках стала принимать участие практически вся мужская половина нашего общества и часть женской. Этому способствовало то, что к нам в самом начале присоединился начкомендатуры товарищ Седых, носивший экстравагантное имя Аполлинарий и предпочитавший, чтобы к нему обращались по фамилии. Этот дядька был самым старшим, как по годам, так и по должности, и более молодым пограничникам было просто неудобно оставаться в стороне. А уж когда к нам присоединились особы прекрасного пола, так и вовсе остаться в тёплой постели означало ударить в грязь лицом.

Всю первую половину дня до обеда я полностью посвящал семье. Поначалу мы много гуляли в саду, беседуя на самые разные темы, и никак не могли наговориться, слишком уж мало времени проводили вместе в Москве. Петя крутился вокруг нас, осваивая деревянного коня на колёсиках, купленного неподалеку в посёлке. Мне стоило огромных усилий вытащить свою благоверную на пляж – дело в том, что купальники этого времени, хотя и были закрытыми, больше подчёркивали особенности фигуры, нежели скрывали что-то. Я и сам, впервые увидев выходящих из моря женщин, с трудом скрывал душевный трепет. Участи же холостяков оставалось только посочувствовать. Только спустя неделю после приезда мы начали ходить на относительно пустынный – пока ещё – пляж. Петя был на седьмом небе от счастья, резвясь вместе с другими малышами. Любимым развлечением детворы почему-то стал поиск мелких камушков и соревнование, кто дальше забросит свою находку в море.

В послеобеденное время, пока сынишка спал, я занимался «журналистикой» – начал снова писать статьи. Секретарши Розы в комплекте с пишущей машинкой у меня теперь не было, так что пришлось удовольствоваться обычной ученической тетрадкой и карандашом. Мои прошлые потуги на этом поприще принесли, прямо скажем, неожиданный результат. Военные просто высмеяли меня в отзывах на «танковые» статьи, приводя такие аргументы, что я просто выпадал в осадок. Как вам нравится сравнение бронирования танка и противотанковой пушки? Понятно, что любая ПТП даже самому лёгкому танку уступит в этом отношении, а ведь танк, в отличие от неё, ещё и подвижен! Отсюда «логичный» вывод, что превосходство достигнуто, а толстая броня увеличивает вес, и следовательно, сокращает абсолютное количество танков – значит, вредна. Та же самая история с вооружением. Зачем ставить крупнокали-

берные пушки, если две-три малокалиберные в нескольких башнях имеют гораздо большую скорострельность, и следовательно, поразят цель быстрее? А уж как они издевались над командирской башенкой, словами не передать. Чуть только карикатуры не рисовали. И мягонько так намекали на вредительство. Действительно, зачем иметь несколько приборов наблюдения, когда достаточно одного вращающегося? Видимо, словами никого не убедить и умывания кровью не избежать. Развитие получила только сумасшедшая идея применения вертолётов, о чём я знал от Чаромского, которому заказывали моторы с «особым» редуктором для этой цели. Причём продвигал эту тему не кто иной, как Тухачевский, в компании с Алкснисом. Правда, в извращённой форме. Сомневаюсь, что захватив высшие штабы и лишив вражескую армию «буржуазно-эксплуататорского элемента» удалось бы, используя линии связи противника, разagitировать «солдат-пролетариев».

Неудача с теорией в области наземной бронетехники была налицо, а в области авиации мои статьи были приняты более благосклонно. Поэтому я решил ещё раз попробовать решить что-то наскоком и накропал опусы «Штурмовик или пикирующий бомбардировщик?» и «Авиация. Стратегическая или тактическая?». В первой я, опираясь на практику советской авиации Второй мировой, выводил необходимость двухмоторного пикирующего бомбардировщика для поражения важных точечных целей крупнокалиберными бомбами, таких как мосты, корабли в море, стационарные укрепленные позиции тяжёлой артиллерии, доты; и массового одномоторного штурмовика, применяющего малокалиберные боеприпасы, в том числе касетные; ракеты и пушки – для поражения целей, типичных для маневренной войны, то есть пехоты, танков, позиций полевой артиллерии. Рассматривая проблему с учётом сложности и стоимости конструкции того и другого, необходимого уровня подготовки пилотов, решаемых задач и количества предполагающихся целей, расстояний до них, я предполагал иметь соотношение бомбардировщиков и штурмовиков как один к трём – четырём. Причём количественную сторону выпячивал просто безбожно. Пусть лучше спорят, сколько нужно единиц и в каком соотношении, чем ставят под сомнение саму концепцию самолётов.

А вот вторая статья была с подвохом. Я уже спал и видел, что советская авиация пересядет в конце концов на дизеля Чаромского. Предпосылки к такому повороту событий были. Дело в том, что даже автомобильный ЗИЛ-Д-100-2 был для этого времени по своим удельным параметрам, по сути, авиационным. Что и было фактически доказано переделкой его в АН-100-2, который был ресурсным, и при массе сто шестьдесят килограмм имел мощность сто двадцать пять лошадиных сил. Но были значительные резервы для его форсирования вплоть до ста восьмидесяти лошадиных сил, при условии решения вопросов температурных режимов на такой мощности, применения форсунок с более качественным распылением топлива и введения турбокомпрессора. Первая и последняя проблемы были взаимосвязаны и упирались в подшипники и жаропрочные материалы, но решались уверенно, хоть и медленно. К сожалению, вопрос форсунок завис. Оборудование для их производства можно было достать только за границей, и видимо, возникли какие-то сложности. В любом случае отношение мощности и массы мотора уже сейчас можно было довести до единицы за счёт ресурса. Ещё радужнее была картина с АН-130. С ростом рабочего объёма весовая отдача улучшалась и ресурсный опозит эту единицу уже имел. А «боевой» Х-образник мощностью шестьсот тридцать лошадей весил всего триста пятьдесят килограмм! С перспективой раскрутить его до семисот. В памяти всплывало, что советский опытный авиадвигатель М-72 при мощности две тысячи лошадиных сил имел массу около тонны в начале сороковых годов; получалось, что мы вплотную подошли к нему по параметру весовой эффективности уже в начале тридцатых. Но имелся ещё и скрытый резерв. На настоящий момент из того, что было мне известно, самым экономичным авиадвигателем был М-17, который расходовал двести двадцать грамм бензина на лошадиную силу в час. Дизель Чаромского имел расход всего сто пятьдесят грамм более плотного керосина на лошадиную силу в час! И была реальная перспектива ещё его снизить грамм

на десять. А моторы М-22 и американский «Райт» вообще отличались завидным аппетитом, АН-130 выигрывал у них по топливу аж в два с половиной раза.

Получалось, что для СССР вопрос разделения авиации на тактическую и стратегическую, по сути, перестал быть актуальным. Обычные фронтовые пикировщики, при прочих равных, могли бы наносить удары на вдвое-втрое большую глубину, подменяя собой «стратегов», по крайней мере в отношении Европы и Азии. Поэтому я и стоял на том, чтобы отказаться от четырёхмоторных боевых самолётов, делая их исключительно транспортными. Упирали я при этом на пролетарскую солидарность: негоже бомбить абы как, снося жилые кварталы вместе с проживающими там трудящимися. Удары должны быть «хирургическими», строго по дворцам буржуев, что могли обеспечить только пикировщики.

Статьи я старался писать как можно подробнее, с художественными зарисовками, иллюстрирующими будущие действия советских авиаторов в войне, поэтому эта работа заняла у меня много времени. К главному своему «литературному» проекту я только приступил, основательно покопавшись в памяти и долго думая над поправками к современным условиям. «Оптимальная структура танковых войск» – это вам не фунт изюма!

Время от полдника до ужина было «общественным». Вне зависимости от желания, приходилось присутствовать на политинформациях и коллективных читках газет с разъяснениями текущего момента и линии партии. Меня просто выводило из себя то, что составить объективное представление о положении в мире исходя из этой «информации» было решительно невозможно. Она была полезна разве что в плане того, чтобы не ляпнуть ничего лишнего, противоречащего политическому курсу, в повседневном общении. Однако существенным положительным моментом была позитивная направленность пропаганды в будущее, резко контрастировавшая с привычными для начала двадцать первого века копаниями в прошлом и ложным выбором между «забыть» и «покаяться». У человека всегда должна быть перспектива «куда» и «зачем» жить – хоть какая-то, пусть призрачная, надежда.

Политика быстро мне наскучила, и я сам напросился разнообразить освещаемые вопросы. Лекция «Практические перспективы освоения околоземного космического пространства» имела огромный успех и разом отодвинула на задний план всю «линию партии». Я говорил уверенно, просто описывая реальную историю развития космонавтики, поэтому у слушателей практически не осталось сомнений, что ещё на их памяти человечество сделает шаг за пределы атмосферы, и может быть, именно их дети будут первыми космонавтами. Меня просили рассказать ещё что-нибудь, но увы – ничего не связанного напрямую с военными делами, в голову не приходило. Пришлось фантазировать на тему развития гражданской авиации, плавно перейдя на реактивные двигатели и сверхзвуковые скорости. Особого впечатления, на фоне первого рассказа, это не произвело.

Самым же приятным был ужин и всё, что за ним следовало. Это действо было организовано в «ресторанном» стиле, но больше напоминало вечеринку, как в фильме «Небесный тихоход», когда «ночные ведьмы» пригласили к себе в гости истребителей. Или «повседневный» вариант «Карнавальная ночь». Окна и двери столовой, выходящие на широкую веранду, были открыты, и из них допоздна неслась музыка, которую играл небольшой оркестр из местных уроженцев самых разных национальностей. Вальсировать я худо-бедно умел, а вот танго пришлось разучивать, в чём мне с удовольствием помогла официантка-гречанка. Репрессий со стороны жены не последовало, так как она занималась тем же самым с молодцом-пограничником из «однофамильцев», товарищем Гараниным. Вообще, количественный перевес кавалеров обеспечивал дамам повышенное внимание со всех сторон, чем они и пользовались, буквально наслаждаясь ситуацией. Это относилось не только к жёнам командиров-пограничников, но и к местным уроженкам, «работницам общепита», которые присутствовали на рабочем месте исключительно во время ужина, предоставляя в остальное время отдыхающим обслуживать себя самостоятельно. Был в этом некий рационализм, когда молодёжь женского пола

целый день работала, например, в местном колхозе, а вечером шла на подработку, совмещая полезное с приятным, то есть танцами. Возможно, была у них и надежда произвести впечатление на какого-нибудь холостого красного командира и выскочить за него замуж. А вот местных мужчин я на наших мероприятиях никогда не видел. Это избавляло нас от неминуемых конфликтов. Скорее всего, их отпугивала сама принадлежность санатория к ОГПУ.

Кроме танцев в обязательную программу входило пение, в том числе и хоровое. Каждый новенький, прибывший в санаторий, должен был, в соответствии со сложившейся традицией, что-то спеть. Причём желательно, чтобы песня, как и человек, тоже была новая. «Однофамильцы» в самом начале отбоярились песней «По долинам и по взгорьям», а мои прикрепленные нагло умыкнули у меня «Коня», здорово исполнив его на три голоса. Выручило меня только то, что любил в своё время смотреть старые советские фильмы, да слушать записи, ставшие классикой. Главное, не спеть ничего опережающего. «Тишина за Рогожской заставой» прошла на ура, помог гитарист, на слух подобранный мелодию. Я пел, глядя на Полину, вогнал её в краску, чему способствовали и другие взгляды, направленные на неё со всех сторон. Не сказать что романтическая тема была в загоне, но таких песен здесь ещё не слышали, поэтому меня каждый вечер просили спеть «что-нибудь новенькое». Приходилось крутиться, напрягая память, но неизменно радовать благодарных слушателей. При этом избегать всяческой политики и несвоевременности. Поэтому в репертуар вошли нейтральные «Я люблю тебя, жизнь», «Весна на Заречной улице», из более мне близкого к месту оказались «Поле ковровое» Николая Емелина и «Вечная любовь» Дениса Майданова.

К сожалению, всё хорошее быстро заканчивается, зачастую внезапно.

Эпизод 2

– Гроза, что ли, с юга идёт? – спросил меня «однофамилец» товарищ Хабаров, когда мы вечером четырнадцатого мая в перерыве между танцульками вышли подышать на веранду.

Действительно, вдали слабо полыхали зарницы.

– Не похоже, свет какой-то красноватый, больше на пожар смахивает, – не согласился я.

– Может, и так, – ответил пограничник, глядя, как отдельные сполохи сливаются в сплошное багровое зарево. – Пойду, узнаю, что случилось.

Я остался на улице, наслаждаясь весенней прохладой и тихим солёным ветерком, дувшим с моря и доносившим с собой тихий шелест волн, ласкающих песчаный берег. Окружающие сады отвечали ему шорохом листьев и стрёкотом цикад. Когда вернулся Хабаров, ходивший к единственному телефону в кабинете коменданта, моя душа полностью развернулась, потянувшись к бесчисленному множеству звёзд, усыпавших глубокое, чёрное, безоблачное небо. Тем оглушительнее прозвучали его слова, резко вернувшие меня на грешную землю:

– В Батуме горит нефтеперерабатывающий завод. Пояснить ничего не успели, связь оборвалась.

– В смысле, оборвалась? – не понял я. Качество связи было, мягко говоря, разным, но с городом можно было соединиться всегда.

– Сам ничего не пойму, доживём до завтра, может, что прояснится. Утро вечера мудренее.

С утра мы всем колхозом бегом спешили с зарядки на завтрак, поднимаясь тропинкой прямо по склону, вместо того чтобы делать крюк по дороге. Едва выскочив на площадку перед санаторием, мы стали свидетелями трагедии, разыгравшейся у въездных ворот. Грузовик, обычно привозивший с утра продукты, запоздал и вернулся из Батума только сейчас. Его кузов буквально облепили вооружённые красноармейцы, висевшие даже на подножках, а их командир о чём-то спорил со сторожем за решёткой ворот. Видимо дед-грузин почему-то не хотел пускать машину внутрь. Расстояние между нами было приличное, больше ста метров,

поэтому расслышать мы ничего не могли, зато финал увидели воочию. Краском достал наган и два раза выстрелил в сторожа, после чего тот упал.

– Эй! Ты чего творишь?! – изумлённо окликнул убийцу Седых. В ответ послышались крики по-грузински, а за ними затрещали выстрелы. Мы были так ошарашены, что промедлили те секунды, которых оказалось достаточно, чтобы среди нас появились убитые и раненые. Безоружные люди заметались под огнём, разбегаясь в разные стороны, но большинство рванулось к санаторию, до которого было рукой подать и где остались женщины и дети. На всю толпу у нас имелся только один вооружённый боец, а именно – мой прикреплённый Коля, который сегодня был «на работе». У меня тоже был наган, его я брал с собой исключительно как учебное пособие, поэтому он был разряжен.

Николай, молодец, не растерялся и, выстрелив пару раз в сторону нападающих без надежды попасть, а только ради того, чтобы отвлечь внимание, укрылся за лежащим на земле телом. Я упал рядом, притворившись ветошью, и видел, как группа отдыхающих замешкалась в дверях, что принесло новые потери. Люди заскакивали в открытые окна столовой, но всё равно толкучки было не избежать, и воздух, наполненный запахом свежей крови, огласился стонами новых раненых. Стрельба нападающих была частой и беспорядочной, казалось, работает взбесившийся пулемёт. Коля, правильно оценив обстановку и прикинув, что они так быстро израсходуют запас патронов в магазинах винтовок, после чего темп огня спадёт, шикнул на меня:

– Лежи! – и принялся судорожно перезаряжаться, чтобы быть во всеоружии, когда противник подойдёт на расстояние действительного огня из револьвера.

Я, видя такую картину, хотел было попросить у Коли, чтобы он подкинул патронов, но в этот момент стрельба поутихла, а нападающие пошли вперёд, на ходу меня обоймы. Мой телохранитель быстро глянул на меня и коротко бросил:

– Теперь беги! – после чего стал стрелять. Героев среди убийц безоружных не нашлось, они попрятались за укрытия и попытались издалека устранить неожиданное препятствие.

Испытывать судьбу было бессмысленно, поэтому я, в один миг приняв решение, рванулся, не оставляя себе времени на страхи и сомнения, но не ко входу, где был риск споткнуться о павших, а за угол санатория. Бежать туда было немного дальше, поэтому я петлял как заяц, вжимая голову в плечи и пригибаясь как можно ниже. Ну, гады, дайте только до патронов добраться! Пуля, выщербив кирпич, ударила в стену прямо перед лицом, но я уже через пару шагов был в безопасности.

Единым духом взлетев по внешней лестнице на галерею второго этажа, шедшую вдоль всей тыльной стены здания, я, выбив окно, заскочил в свой пустой номер и вытряхнул с самого дна рюкзака нелегальный наган, который таскал с собой как страховку на случай непредвиденных действий своего конвоя. Этот был всегда заряжен, а мешочек с запасом патронов, которые я тут же рассовал по карманам, позволял смотреть в будущее, пусть недалёкое, с оптимизмом.

Полины с сыном нигде нет! Они должны быть сейчас в столовой, что там сейчас творится – одному богу известно. Зато Коле нужна помощь прямо сейчас!

Вылетев на улицу тем же путём, я рванулся к углу, противоположному тому, который укрыл меня от выстрелов. Отсюда до нападающих было гораздо ближе, и можно было попытаться выйти им во фланг. Прислонившись спиной к стене, я хотел было выглянуть, но топот сапог за углом остановил меня. Я – и весь мир вокруг – замер, и было странно видеть, как медленно показывается из-за препятствия штык, а за ним и цевьё винтовки. Недолго думая, схватился за оружие и рванул его на себя, используя угол, как точку опоры рычага. «Красноармеец» не пожелал выпустить оружие из рук и вывалился вперёд, тут же получив пулю. Я едва успел отпрянуть назад, как из-за угла, не показываясь на виду, махнули штыком. Ещё бы сантиметр, и меня пришили бы, как энтомолог бабочку.

На рефлексх пытаюсь отбить острие, я отмахнулся левой рукой, винтовка выскользнула из пальцев и вращаясь улетела за угол, стукнув прикладом по стене. Тут же я, не думая, кувыркоком выкатился из-за препятствия и стал стрелять, воспользовавшись тем, что внимание врага было отвлечено пролетевшим мимо предметом. Бандитов оказалось трое, и я разделил оставшиеся в барабане шесть патронов по-братски, по два на каждого. Не разбираясь, кто из них убит или ранен, добил упавшие тела штыком. Оставлять за собой живых врагов было бы верхом безрассудства.

Осмотревшись, я не увидел никого, кроме шофёра-грузина у ворот, открывающего тяжёлые кованые створки, чтобы загнать машину внутрь. Он как раз повернулся в мою сторону и сразу переменился в лице. Я понял, что ещё мгновение, и он закричит, предупреждая подельников. К счастью, я оказался быстрее, и винтовочная пуля отбросила тело в кожаной куртке назад, дав мне временную передышку.

Проклиная на чём свет стоит Нагана, я принялся перезаряжать оба своих револьвера, так как они были единственным преимуществом, на которое я мог рассчитывать на короткой дистанции перед численно превосходящим противником. Иллюзий, что я, в лучшем случае, смогу «замахать» штыком больше двоих-троих, я не испытывал.

Пройдя вдоль стены до следующего угла и посмотрев из-за него, я понял, что нападающие сумели прорваться ко входу в столовую, но часть из них осталась на улице, отступив к забору и спрятавшись за укрытия. Звуки боя изменились, винтовочные выстрелы раздавались теперь реже, а револьверные, наоборот, чаще. Видимо, Сергей и Слава, а может быть, и кто-то из пограничников, сумели добраться до личного оружия. Они-то и отсекали часть бандитов, которые теперь с хорошей дистанции стреляли по окнам, в том числе и куда-то вверх, по второму, третьему этажам. Я увидел всё, что мне было нужно, и уже хотел было отступить, как упёрся взглядом в неподвижную руку с зажатым в ней револьвером. Это была рука моего товарища, с которым мы наставили друг другу не один десяток синяков, сидели за одним столом, пили одну водку и ели один хлеб. Эх, Коля, Коля... Не успел.

Отойдя подальше назад, чтобы не выдать себя вспышками выстрелов, я начал обходить угол санатория по широкой дуге влево так, чтобы каждый раз иметь дело только с одним противником. Облегчало мою задачу то, что бандиты не слишком-то и прятались, совсем не меняли позиции, больше рассчитывая на расстояние, запредельное для нагана, из которого попасть в них можно было только случайно. Мне же оставалось уповать на верный глаз и точность боя подобранной винтовки. Стрелять приходилось с левого плеча, что было не совсем удобно в плане перезарядки, поэтому бил я редко. Но метко.

Прежде чем меня заметили, я подстрелил троих, но четвёртый что-то высматривал на фасаде ближе к моему укрытию, пригнувшись вниз. Я его откровенно прозевал и выдвинулся слишком далеко, высветив свою белую рубаху на зелёном фоне лежащего за спиной сада. Спасло меня только то, что фальшивому красноармейцу было необходимо приподняться, чтобы выстрелить, что он и сделал. Но я, мигом раньше заметив шевеление, отпрянул за укрытие, внутренне похолодев от осознания того, что смерть прошла мимо, едва не остановив на мне свой ледяной взгляд.

Помощь же пришла откуда не ждали. Сбежавшие в самом начале в кусты пограничники, воспользовавшись передышкой и тем, что о них все забыли, организовались и напали на державших фасад под прицелом стрелков с тыла. Чекистов было всего семеро, но они смогли подобраться незаметно и бросились в рукопашную, используя камни, колья и вообще всё, что попало под руку. Короткая схватка закончилась в их пользу и с неплохим счётом. Во всяком случае, когда я выглянул, озадаченный почти полным прекращением стрельбы, на ногах стояли пятеро, добывая противника. Секундой позже снова резко, почти слитным залпом, ударили винтовочные выстрелы, но уже со стороны входа в здание, и победители-пограничники упали на землю, укрываясь от огня.

Перестрелка возобновилась с прежней силой, но револьверы теперь в ней не участвовали – видимо, все нападающие, кто остался на улице, укрылись под навесом веранды, сверху их было не достать. На первом же этаже, в столовой, судя по яростным крикам и грохоту, слышному даже снаружи, шла рукопашная схватка и требовалась помощь. Исходя из того, сколько народа могло уместиться на ЗИЛ-5, бандитов не более сорока – сорока пяти человек. Судьба десятерых мне была известна, ещё семь – десять убрали, напав сзади, погранцы. От входа по ним било тоже около десятка стволов. Значит, внутри здания орудуют от двадцати до тридцати вооружённых подонков. Наших, наверное, столько же, но вряд ли они имели время вооружиться, поэтому схватка идёт явно неравная, постепенно смещаясь внутрь к лестницам и коридорам.

Пока я просчитывал ситуацию, меня заметил один из пограничников, и я помахал ему рукой, показывая, что свой. В ответ он, пользуясь тем, что ни его, ни меня противник видеть не мог, сделал злое лицо и резко указал в сторону входа, давая понять, чтобы я напал с фланга. Это было в данной ситуации единственно верным, а главное, быстрым решением. Выскакивать на открытое пространство, конечно, большой риск, но что я сделаю сидя за углом? Обнаружу себя и буду ещё полчаса постреливать, пока всех наших не положат? Зачем тогда мне эта жизнь, которую я сберегу не рискуя?

Собрав волю в кулак, а страхи засунув поглубже, я взял в каждую руку по револьверу и бегом метнулся к веранде. Заскочил туда, не замеченный противником, потому что укрывшись за кирпичными столбиками, на которые опирались перила ограды, бандиты, все как один, оказались правшами и выглядывали из-за укрытия в противоположную от меня сторону. Там же были и стволы винтовок, которые никто из них не успел развернуть на меня даже после того, как я начал стрелять. Разрядив с двух рук оба револьверных барабана, я не обошёл вниманием никого, стремясь хорошо попасть в каждого – если не убивая, то гарантированно выводя из строя. Одновременно с моим нападением, пользуясь замешательством, от ограды поднялись в атаку четверо погранцов, и через считанные секунды ворвавшись под навес, перекололи штыками ещё подававших признаки жизни бандитов.

Не останавливаясь, чекисты бросились через двери внутрь здания, и я, подхватив первую попавшуюся винтовку, бросился за ними. Все вместе мы врезались в ряды противника с тыла, коля штыками, разбивая прикладами затылки и сея панику. Среди треска и звериного рычания рукопашной заметались возгласы совершенно другой, истеричной интонации. Теперь нападающие уже не напирали вперёд, а наоборот, бросились назад, избиваемые со всех сторон разъярёнными пограничниками. Наша пятёрка, закрывающая собой выход, оказалась как раз на пути бегущих, и нас бы неминуемо затоптали, если бы сохранили ясность рассудка и пробились силой, а не старались прошмыгнуть мимо, поддавшись животному страху. Мы резали, били, кололи штыками куда ни попадая, стараясь только не задеть друг друга и не выпустили на улицу никого. Немногие из бандитов, счастливы, прожили секундами дольше, сумев выскочить через окна, но их, бегущих, добила выстрелами в спину. Взбешённые таким жестоким и подлым нападением люди не щадили никого.

– Молодцы, товарищи. Вовремя, – подошёл к нам Седых, неожиданно для себя оказавшийся снова в строю. – Ещё бы чуть-чуть – и конец.

Эпизод 3

– Объявляю вам, что вы временно мобилизованы в ряды войск ОГПУ, – отчеканил мне он же спустя час, когда навели относительный порядок, убрали убитых, перевязали раненых и разобрали по рукам три с небольшим десятка трофейных винтовок и два нагана, один из которых был моим, нелегальным.

Ситуация складывалась загадочная. Вернувшаяся из ближайшего посёлка разведка ничем её не прояснила. Связи нет ни в санатории, ни в посёлке. Участковый пропал, местные попрятались, а те мужики, что попадались на глаза, смотрели недружелюбно, что, впрочем, можно было объяснить прозаической ревностью.

Напавшие на нас люди обладали примечательной особенностью – все они были кавказцами, с формы были спороты красноармейские знаки, а на правой руке каждый нёс белую повязку с продольной красной полосой. Что это могло означать кроме того, что мы имеем дело отнюдь не с РККА, никто предположить не мог. Документов никаких при себе агрессоры не имели, также как и лишних вещей. Только оружие и форма.

Санаторий ОГПУ превратился в нечто среднее между осаждённой крепостью и госпиталем, так как на ногах остался едва десяток мужиков, из которых половина – легкораненые. Ещё около двух десятков были или очень слабы, или не могли самостоятельно передвигаться, а оставшиеся уже ничем помочь нам не могли, их мы сложили в подвале, временно превращённом в морг. Были раненые и среди женщин, многие из которых принимали участие в рукопашной, защищая детей – видел я покойников с расцарапанными лицами. К счастью, с моими было всё в порядке, их сразу утащил наверх влетевший в столовую одним из первых Серёга. Мы разминулись буквально на секунды.

Теперь забраться в санаторий просто так ни у кого бы не получилось, все входы, окна первого и второго этажей были либо забаррикадированы подручными предметами и мешками с землёй, на которые пошли матрасы и наволочки, либо находились под контролем. В башенке на крыше здания сидел наблюдатель. Ещё один, в компании с посыльным, находился на северной, непросматриваемой стороне мыса, в развалинах древней крепости.

Комендант крепости добавил заключительный штрих в складывающуюся картину, мобилизовав всех гражданских, способных носить оружие, а именно – меня.

– Товарищ командир, разрешите обратиться? – принял я лихой и придурковатый вид, исключительно ради того, чтобы как-то разрядить напряжённую обстановку.

– Говори.

– Кругом одни командиры, один я солдат, простите боец, – нарочито обиженно протянул я, – не могли бы вы мне какое-никакое звание заодно присвоить? А то как-то неприлично даже получается, то я вами всеми на тренировках командовал, а теперь слова никому не скажи. И потом, вы бы хоть письменный приказ какой издали, а то не поверит же никто, что я в чекистах был.

– Шутишь. Это хорошо, значит, не паникуешь, будет тебе приказ, – понимающе ответил пограничник и, набросав в блокноте карандашом пару строк, вырвал лист. – Была б моя воля, я б тебя в маршалы произвёл, лишь бы из этой передраги выбраться.

– ...непоезд! – донеслось сверху от наблюдателя.

– Чего?! – переспросил комендант.

– *Бронепоезд!!!* – крик раздался одновременно с разрывом снаряда ниже по склону холма, следом докатился звук выстрела.

– В господа бога душу мать! По местам!!! – наш главнокомандующий разразился приказом, может и неправильным, зато не допустившим паники. Мы рванулись к своим секторам обороны, но нас тут же остановил стоп-приказ: – Отставить! В укрытие! Отставить!!! Всех раненых, женщин и детей – в подвал!!!

Эвакуация, несмотря на неизбежную неразбериху, заняла всего десять минут, за которые по нам стреляли ещё раз пять, но без единого попадания. Наконец, все собрались внизу, за исключением наблюдателя на первом этаже, который, впрочем, ничего не мог контролировать, кроме небольшой площадки непосредственно перед зданием – дальше обзор закрывали деревья. Рисковать же более чем одним человеком Седых позволить себе не мог, нас и так было очень мало.

– Командир, нас здесь прихлопнут, как мух, – вполголоса с тревогой проговорил я, весь мой прошлый опыт буквально вопил, что надо уходить.

– Что предлагаешь? – глаза старого бойца, помнившего ещё Гражданскую, потускнели. Он полностью отдавал себе отчёт, что против бронепоезда мы не устоим, как ни воюй. Бог на стороне больших батальонов, и как грамотно ни строй оборону, задавят всё равно. Уйти, бросив раненых, женщин и детей, тоже нельзя.

– Дай мне пять человек, мы укроемся в стороне от дома. Если кто полезет, хоть тревогу поднимем и на себя отвлечём в случае чего, а вы успеете подготовить встречу.

– Ну что ж. Бери своих, да ещё пару курсантов, – Седых оставлял при себе проверенных кадровых бойцов, выделив мне на бесполезное дело чужих и молодых. – Действуй, раз знаешь как. Всяко лучше, чем сидеть и ждать.

– Серёга, Слава, Хабаров, Гаранин, за мной! – громко скомандовал я и, махнув рукой Полине, поднялся наверх.

Эпизод 4

– Товарищ Любимов, куда мы уходим? – озабоченно спросил меня Гаранин, когда мы, выскочив из санатория через чёрный ход, перелезли через забор и углубились в сады, двигаясь вдоль железки на юг навстречу бронепоезду. – Мы что, наших бросим?!

– Панику и сомнения отставить! Вы же пограничник! А погранцы своих не бросают. Верно? – отрывисто, на бегу, прошептал я. – Там чертей до роты может быть в этом пепелаце. Нас всего ничего, и пушки у меня в кармане не завалилось, пулемёта тоже.

– Так чего же мы убегаем? Вместе держаться надо! – поддержал товарища Хабаров.

– А того, что на бронепоезде они в санаторий не въедут. Десант, как ни крути. А чтобы тот десант огнём поддержать, бронепоезд должен встать подальше, иначе деревья мешают. Значит, они либо заранее высадятся и пешком пойдут, либо бронепоезд их поближе подвезёт, а потом вернётся назад. Вот мы в зарослях-то, пока они к санаторию подниматься будут, и укусим их. И отступим. Погоню вырежем. Вернёмся и опять укусим. И так до победного конца. А потом и ящик этот на винтики разберём! Всё понял, боец? – спросил я на последнем дыхании. Говоря по правде, таких далекоидущих планов я не строил, но бойцов надо было морально поддержать, дать им надежду и уверенность.

– Петрович, бронепоезд! – шедший в головном дозоре впереди справа Сергей подал условный знак.

– Что? – спросил я останавливаясь. Впрочем, ответа не требовалось, и так было отлично слышно, как состав, пытаясь, медленно двигался мимо нас за кустами.

– Вперёд, к железке! – скомандовал я. Видеть противника, когда он тебя не видит – ощутимое преимущество, даже если имеешь дело с БеПо.

Мы двинулись мелкой ложиной к морю, вдоль которого шла железная дорога и, выглянув из кустов, увидели уже останавливающийся состав. Все его броневые двери, находившиеся в поле нашего зрения, были открыты. Жарко им, собакам. Весеннее солнышко и впрямь поднялось высоко, ощутимо припекая. Поезд, проехав ещё метров двести, встал, наружу выпали люди, одетые кто во что горазд, и сбились в кучу, слушая какого-то голосистого оратора. Не так уж их и много, человек тридцать всего. Правда, сколько внутри осталось – непонятно. Как минимум один, тот, что высунулся из паровозной будки; наверняка машинист. Ага, обстановка меняется, голосистый назначил троих добровольцев и вручил им белый флажок. Парламентёры. Уважают, гады! Не хотят свои головы под пули чекистов подставлять понапрасну.

Переговорщики направились в сторону санатория, две пары, выделенные в секреты, разошлись вдоль путей, а вся пожаловавшая компания расположилась в тени деревьев, растущих

вдоль железки. Никакого воинского порядка не наблюдается, народ повалился на песок, некоторые даже разулись. Чего напрягаться в такой погожий день? Махновщина...

Самым важным было то, что в поезде, кроме будки машиниста, не наблюдалось никакого движения. Они что, все вылезли? Нет, крайняя башня первого вагона шевельнула стволом орудия, направленным на санаторий, остальные в походном положении. Судя по частоте выстрелов, били они по нам только из одной пушки, значит, у остальных и прислуги может не быть. Авантюрный план созрел в голове сам собой. Да и не план это был, а порыв быстро использовать благоприятно складывающуюся обстановку. Мешал ему на первом этапе только секрет, дошедший в нашу сторону как раз до лощинки и спустившийся вниз, к небольшому ручейку.

– Слушайте меня сюда. Мне нужен один доброволец, мы с ним снимем часовых...

– Извини, Петрович, но ты никуда не пойдёшь, – Слава сказал это таким тоном, что я отбросил даже тень мысли поспорить. – Нам и так за твои подвиги влетит по первое число. Поэтому пойду я и, что поделать, Серёга. Останешься пока здесь с курсантами. Как всё сделаем, три раза через равные промежутки поднимем кепку над путями, тогда подтянетесь.

– Понял, чего хочу?

– А что тут непонятного? Попробуем. Наглецам, говорят, везёт, – усмехнулся мой прикреплённый.

Минуты текли одна за другой, а я всё вслушивался, стараясь уловить хоть что-то, хоть хрип, хоть всхлип, гадая, как идут дела у товарищей. Но всё прошло тихо и, по отмашке, мы с курсантами поползли вперёд и вскоре оказались в компании моих телохранителей уже по ту сторону железнодорожного полотна.

Осмотревшись вокруг, я оценил наше положение. До бронепоезда придётся ползти, укрываясь за невысокой насыпью. Плохо, если кто-нибудь выглянет с нашей стороны. Вроде в последнем броневагоне никакого движения заметно не было, вероятно, он пустой. Значит, надо переместиться туда и использовать его как исходную.

– Попробуем захватить этот бронеящик по-тихому. Слава, Серёга, входите за мной внутрь, наганы наготове, если что. Остальные с винтовками остаются здесь и страхуют. Стреляете хорошо? – посмотрел я на курсантов.

– Отличники! – обиделись «однофамильцы».

– Вот! Четыре винтовки на двоих, по разу попадёте каждым патроном – и воевать не с кем будет, – подбодрил я курсантов.

– Всё верно, Петрович, только ты опять никуда не пойдёшь, а наган мне отдашь, – издевательски ухмыльнулся Слава. – И чего тебя всё на подвиги тянет?

– Тебе не понять! – огрызнулся я.

– Брось, чует моё сердце, ещё навоюемся по самое горло, – хмуро пробурчал Серёга. – Слава прав, нечего там тебе делать, а нам лишний ствол к стати. Сам-то стреляешь из винтовки хорошо? А то, может, заряжать будешь?

– Правильно, – поддержали прикреплённых «однофамильцы», – нам не отвлекаться, и огонь получится непрерывный.

– Ага, все против меня! Припомню вам, когда этих шустриков угоним, – я обречённо передал свой револьвер Славе, и мои телохранители поползли к намеченной цели.

В этот раз почти всё происходило у нас на виду, но переживал я от этого не меньше; наконец, из броневагона показалась заветная кепка и призывно помахала, приглашая на посадку.

Спустя десять минут вся наша компания уже была за бронёй и суматошно осматривалась в незнакомой обстановке. Идя вдоль вагона, я запнулся о ящик, нагнулся посмотреть, что там, и присвистнул.

– Надо же, Ф-1 собственной персоной, приятно.

– Это РГО-31, товарищ Любимов, – поправил меня Хабаров, – но на Ф-1 и вправду похоже.

Я усмехнулся, вспомнив гранатную эпопею, и подумал, что Берия, мелкий жулик, обманул-таки меня с деньгами. Осмотревшись в вагоне и проверив, что происходит снаружи, подзвал своих диверсантов на маленький военный совет.

– Смотрите сюда, товарищи. В паровозной будке и в первом вагоне, в башне, кто-то есть. С паровозной командой, при удаче, можно разобраться по-тихому. А вот с пушкарями не выйдет: пока до них доберёшься, ноги поломаешь. Да вы и сами видите, что тут внутри творится. Какие будут предложения?

– Забросать их гранатами. А тех, что в кустиках отдыхают, из пулемёта причесать. Двоих здесь на один пулемёт хватит, один к паровозу, двое к переднему броневаягону, – сгоряча брякнул Сергей.

– Боеприпасы рванут – сами к праотцам отправимся. Надо увести состав подальше и разобраться там с артиллеристами, пока к ним помощь не подошла, – не согласился Хабаров. – А потом и с остальными, но уже из-за брони.

– Знаешь, как управлять паровозом? – спросил я у него.

– Работал раньше и кочегаром, и помощником машиниста – справлюсь, он ведь под парами.

– Значит, так, слушай приказ! Товарищ Гаранин остаётся здесь. Не допустить захвата броневаягона противником, в крайнем случае подорвать боекомплект. Если захватим поезд, связь по телефону. Товарищ Хабаров идёт со мной на захват паровоза. Серёга, Слава, передний броневаягон ваш. Действуем тихо, без стрельбы. После захвата бронепоезд уводим назад, закрываем двери и валим этих ухарей из бортового оружия. Если нашумим, поезд уходит с первыми выстрелами. Если поезд стоит, подрывайте его к чертям собачьим. Вопросы?

– Петрович, тебе обязательно идти самому? – Серёга действительно спрашивал серьёзно, без тени издёвки.

– Броневаягон для нас самая важная цель, туда пойдёте вы со Славой, это не обсуждается. Товарища Хабарова должен подстраховать кто-то опытный, а это я. Без обид, товарищ Гаранин, дело серьёзное и совсем не шуточное, – я, как мог, попытался сгладить сказанное, но от правды не уйдёшь.

– Ладно, – скрепя сердце согласился Сергей и добавил: – У вас там, на паровозе, проще, поэтому не торопитесь поезд уводить, дайте нам время. Как всё сделаем, дадим сигнал по внутренней связи.

– Принято. Ещё предложения и уточнения есть? Нет? Пять минут подготовиться и вооружиться, время ещё есть, пока переговорщики не вернулись.

Через оговорённое время мы, набрав гранат, стояли на исходных, в узкой тени поезда, у дверей, обращённых к морю. Задерживаться нам тут нельзя, кто-нибудь может ненароком рассмотреть в узкой щели между полотном и бронёй наши ноги. Но и решиться трудно. Сердце бьёт в грудь изнутри, такое впечатление, что барабанный марш должны слышать все вокруг. Сейчас, ещё два удара. Серёгины глаза впелись в меня ярко-голубыми крючками, ясно различимые даже на расстоянии двадцати метров, которые нас разделяют.

Всё, пора!

Ступеней, по которым я взлетел в паровозную будку, я просто не заметил. Раз – и я уже внутри. Растерянное лицо машиниста, обернувшегося на шум, мелькнуло перед глазами и ушло вниз, получив в лоб рукоятку револьвера. В проходе к тендеру послышалась какая-то возня, а потом гулкий стук сапог по железному полу. Два шага внутрь, и я в полутьме упираюсь в спину выпрямляющегося после прыжка с лестницы наблюдателя. Захват, хруст позвонков, всё. Повезло. Если бы этот друг сидел тихо, могли бы его вообще не заметить. Прислушиваюсь – тишина. Хабаров замер в паровозной будке, глядя на меня. Показываю ему знаком,

чтобы следил за внешней обстановкой, а сам осторожно заглядываю через люк в командный пункт. Пусто. Остаётся проверить тендер, что я и делаю, дойдя до груды угля и осмотревшись. Всё, паровоз наш.

Стук подошв по ступеням и гортанный голос, проговоривший что-то с вопросительной интонацией, заставили меня метнуться обратно, и я успел увидеть, как мой напарник втянул в будку из поперечного прохода чумазоида и насадил на снятый с винтовки штык. Хабаров мягко уложил новопреставившегося на пол и поднял большой палец, показывая, что всё хорошо.

Как медленно ползут секунды! Хуже нет – ждать. Как там себя чувствует Гаранин, после того как мы ушли, даже думать не хочу. А ведь мы тот вагон заминировали, чтобы ему достаточно было только за шнур дёрнуть. А ну как нервы у мужика не выдержат? Молодые ведь все, двадцати пяти ещё нет, один я старый перец. В памяти сами собой всплыли слова песни из фильма «Офицеры», несколько меня успокоившие. Раз Берлин взяли, то и здесь справимся.

Зуммер разорвал чуткую тишину, и я, спохватившись, метнулся в командирскую рубку. Чёрт, как этим пользоваться? Ага, тумблер рядом с горящей лампочкой.

– Слушаю.

– Петрович, мы готовы, – донёсся глухой Серёгин голос, будто с другого края вселенной, – их тут только двое было. Вагон моторный, мы за кожухом двигателя смогли вплотную подойти. Взяли в ножи. Правда, один чуть из пушки не выпалил, схватившись за шнур.

– Потом расскажешь. Мы сейчас поезд назад подадим, вы, главное, двери закройте. А потом валите всех, кого видите, вам на месте лучше знать, как.

– Есть.

Я сразу же щёлкнул вторым тумблером, вызывая хвостовой вагон.

– Гаранин на связи.

– Это Любимов. Поезд наш. Сейчас начнётся, не зевай, закрой двери и, по возможности, поддержи огнём.

– Принял.

Я спустился вниз, стянул с трупа кочегара робу и напялил на себя, после чего измазал лицо и усы угольной пылью. Кепка удачно дополнила немудрящую маскировку. Как ни в чём не бывало, высунулся наружу и закрыл броневую дверь, выходящую на сторону противника. Мои действия никого не обеспокоили, и я с лёгким сердцем дал отмашку Хабарову, после которой он передвинул рычаг, и поезд, вздохнув паром, пошёл назад.

Метнувшись наверх, к единственному зенитному средству бронепоезда – установленному на тендере счетверённому максимуму – и выглянув поверх брони, увидел забавную картину. Бандиты с недоумением смотрели вслед медленно уходящему поезду, потом заголосоили и бросились вдогонку.

– Хабаров! Не разгоняйся! – крикнул я вниз и схватился за пулемётную установку, разворачивая её в сторону толпы преследователей и приводя в боевое положение.

Теперь время летело вскачь, и люди за его бегом уже не успевали – казалось, прошла целая вечность, и бандиты, догоняющие вдоль железки, уже наверняка забрались на переднюю контрольную платформу, когда спереди ударил пулемёт. Что там происходило, я видеть не мог, обзор загораживал дымящийся паровоз, зато вой я услышал хорошо. Наши преследователи рванули вбок, в сторону кустов, стремясь выйти из сектора обстрела башенного пулемёта. Теперь настала моя очередь. Это вам, подонки, не безоружных расстреливать! Хлебните сами такого дерьма! Ливень пуль счетверённого максима ударил в толпу сбоку, и она, показалось, полегла, как степная трава под порывом ветра. Хрен вы у меня куда уйдёте! С высшей точки бронепоезда, с высоты четырёх метров, я раз за разом прочёсывал сверху лежащие тела, пока не кончились патроны. Всё, карапузики. Пулемёт спереди тоже умолк.

– Стой!

Хабаров остановил состав, а я направился к переговорному устройству. Щёлкнув обоими тумблерами, дождался отзывов и распорядился:

– Пойду, проконтролирую. Всем оставаться на местах. Подстрахуете, если что.

– Петрович, там ещё где-то секрет, и парламентёры могли вернуться, не ходи. Давай на полверсты вперёд на поезде продвинемся, секрет зачистим, если они ещё в лес не слиняли, – донеслось по связи из первого броневана.

Спустя десять минут мы захватили двоих пленных, которые, видя надвигающийся на них взбесившийся БеПо, не рискнули бежать до леса под пулемётным огнём и подняли руки. Спрашивать у них что-либо было бесполезно, русского языка они не знали, или делали вид, что не знали. В любом случае было не до них, потому что вышедший из-под брони Сергей получил откуда-то пулю. В ответ Гаранин из заднего броневана, заметив, как качнулись кусты на опушке, прошёлся по ней из пулемёта, после чего в лесу поднялась стрельба. Спустя пять минут пограничники, отправленные Седых «проводить» парламентёров, а заодно выяснить, куда мы запропастились, выгнали из леса ещё двоих бандитов, один из которых уж точно мог служить источником информации.

Эпизод 5

Машинный телеграф звякнул сквозь рёв дизеля, и указатель передвинулся на пять делений назад. Политрук хочет притормозить, хорошо, мне тоже совсем не нравится нестись куда-то вслепую на скорости целых сорок километров в час. Поблагодарив мысленно Создателя за то, что для такого маневра не надо переключать передачи, я потянул на себя сектор газа, и стрелка спидометра, послушно поползла вниз. Поиграв ещё немного рычагом, я остановил её на требуемых тридцати пяти километрах.

Я расту в должностях не по дням, а по часам. С утра – никто, час спустя – боец ОГПУ, а теперь – механик-водитель броневана. Это вам не абы что! Теперь у меня в подчинении целый помощник, роль которого выполнял мой единственный оставшийся невредимым прикреплённый – значит, должность командная. За такой поворот я вроде бы должен был благодарить тех, кто это механическое чудо создавал, но на самом деле, кроме матов, они от меня при встрече ничего не дождутся. Я и вслух-то ругаться перестал только недавно, окончательно смирившись со своей участью.

При первом же взгляде на технику изнутри, у меня появилось устойчивое подозрение, что руки к ней приложил Дыренков, забыв при этом где-то голову. Это ж надо всё управление сделать на рычагах! Механическая коробка при этом не имела синхронизаторов, а сектор газа дополнялся точно таким же «сектором тормоза», рычагом фрикциона и реверсом. Я было сначала порадовался просторному рабочему месту водителя, пусть и в непосредственной близости от раскалённого кожуха мотора, но когда после первых пробных поездок понял, что одному не справиться – рук не хватает – и на пяточке должны как-то разместиться двое, не удержался и высказал вслух, что думаю об отечественной конструкторской школе. Слава, постоянно обжигающийся о кожух, полностью меня поддержал. Так мы и ехали до самого Кобулета, соревнуясь в сквернословии, которое, к счастью, никто, кроме нас, за рёвом двигателя слышать не мог. Последним, финальным мазком к картине было полное отсутствие средств наблюдения. Для механика-водителя это, очевидно, посчитали лишним, что добавляло непередаваемую остроту общим впечатлениям от управления машиной весом в несколько десятков тонн. Средства связи, кроме машинного телеграфа, отсутствовали; что происходило снаружи, мы, махая рычагами, могли только гадать. Славе было немного легче, потому что он нужен был только при переключениях передач, а всё остальное время проводил у амбразуры пулемёта левого или правого борта, которые и служили ближайшим средством вентиляции. Мне отойти с рабочего места было никак нельзя, поэтому приходилось париться в кожаной куртке, кото-

рую я стащил после первой же поездки с тела грузина-водителя. Седых осуждающе посмотрел на такое мародёрство, но вошёл в моё положение – запечённый заживо механик ему тоже был не нужен.

Вообще, мотоброневагон и бронепоезд в целом заслуживают особого упоминания. Дело в том, что первое, что я сделал на своей новой должности – достал из приклёпанного изнутри к стене кожаного кармана формуляр и ознакомился с ним. Судя по записям, своим ходом МБВ наездил всего десять часов, после чего были проведены регламентные работы. Заглянув под моторный кожух, я с удивлением обнаружил там ярославскую «четвёрку» в комплекте со штатной коробкой передач. Это что же выходит? На броневики шасси не дают, а на броневагоны агрегаты – пожалуйста! Проверив запас топлива в цистернах под полом каземата, я убедился, что они залиты под пробку, а судя по их объёму, ехать можно до Архангельска без дозаправки. Краска, как снаружи, так и внутри, была абсолютно свежая, ещё не поблекшая. Всё говорило о том, что наша колесница только-только построена. Да на ней даже муха не сидела! Бронепаровоз и второй броневагон выглядели постарше, но тоже были свежеекрашены, а из всех четырёх башен БеПо грозно торчали стволы модернизированных трёхдюймовок с удлинённым стволом, которые только появились и были впервые показаны на параде в Москве в прошлом году. Дополняло картину отсутствие броневагонов для десанта, которые, как я предполагал, должны входить в состав поезда. Где-то жить и что-то есть экипажу ведь нужно? В общем, у меня в голове появилось предположение, что наш трофей только что прибыл в Грузию из ремонта, притащенный обычным «чёрным» паровозом. Вооружение заменили, включили в состав мотовагон для большей гибкости использования, а остальное, всё, что могли, ремонтировали прямо на месте. Но до пункта постоянной дислокации БеПо явно добраться не успел. Против этой версии говорили только несуразности со связью, на которую я в самом начале очень надеялся. Но, увы, ни одной радиостанции обнаружить так и не удалось. Зато была в наличии станция телеграфная, которая могла подключаться к сети на остановках. Ну и зачем она нам теперь, когда провода во многих местах просто оборваны какими-то доброхотами? Как можно не поставить радиостанцию на бронепоезд, у меня в голове не укладывалось. Можно понять – танки, самолёты. Но поезд! Сюда хоть корабельную воткни!

Да и экипаж БеПо, напавший на нас, оказался в значительной своей части, за исключением агитаторов-подстрекателей, грузинскими железнодорожниками. Я видел издали как их допрашивали прямо «на поле боя», чтобы максимально использовать эффект устрашения. Видимо, пленные не особенно-то и упирались, наоборот, создавалось впечатление, что они говорили много и охотно. Разобрать что-то издали было невозможно, только под конец, когда проводивший допрос политрук Никифоров, видимо, решил устыдить бандитов тем, что в бою могли пострадать – и пострадали – женщины и дети, «парламентёр» начал яростно кричать:

– Мои дети где?! Жена моя где?! Чем мне было их кормить?! Камнями с гор?! Зерно, коз – всё, всё забрали! Никто зимы не пережил! Кто мне их вернёт теперь?! Колхоз вернёт?! Или ты вернёшь?! – грузин распалял себя всё больше и больше, а потом с голыми руками кинулся на пограничников. – Ненавижу!!!

Сухо треснул револьверный выстрел, а потом ещё один, и когда на землю упала очередная жертва разворачивающейся гражданской войны, все присутствующие почему-то почувствовали себя неловко и старались не смотреть друг другу в глаза. Как всегда и бывает в таких случаях, из-за веры или денег, амбиций или жажды власти немногих, стреляли и убивали друг друга маленькие люди, каждый из которых имел свою правду, свою причину сражаться на той или иной стороне. И рассудить, кто прав, в конечном счёте могла только жизнь. Или смерть.

Вскоре после допроса вернулся посыльный из санатория с приказом перегнать БеПо к железнодорожному переезду севернее мыса, что мы, собрав валяющееся оружие, и сделали. Туда же подъехал на трофейном грузовике сам Седых и, сформировав в основном из легкора-

ненных экипаж МБВ в количестве одиннадцати человек под руководством политрука, поставил нам боевую задачу:

– В Грузии контрреволюционный мятеж, – ёмко обрисовал сложившуюся обстановку командир. – По словам пленных, к нему присоединились и некоторые армейские части. В сложившейся обстановке нашей первоочередной задачей является установление связи с органами ГПУ Грузии и эвакуация раненых, так как запас имеющихся медикаментов почти полностью израсходован, а некоторым раненым требуются сложные операции, которые можно провести только в условиях стационара. Приказываю силами МБВ провести разведку на север, в направлении ближайшего городка Кобулет, где имеется амбулатория и отдел ГПУ, с которыми необходимо установить связь, проверить исправность пути до указанного пункта и наличие вооружённых банд в непосредственной близости от железной дороги. БеПо остаётся здесь на погрузку раненых. Жду вас назад не позднее, чем через час. Вопросы?

Вопросов не последовало, все понимали, что командир и сам хотел бы знать подробности переплёта, в который мы все попали, но, увы, источники достоверной информации отсутствовали. Никифоров дал только пятнадцать минут на подготовку к рейду, что позволило нам смотреть на машине в санаторий и запастись сухпаем в дорогу. Вёл машину я сам, потеснив найденного Седых водителя из погранцов, который имел небольшой тракторный опыт, и поэтому мог вести ЗИЛ-5 только на второй передаче, без переключений, благо легко загруженный автомобиль стартовал на ней без проблем. У меня с переключениями тоже было не слава богу, но репутацию требовалось поддержать, что я и сделал, перейдя с горем пополам на третью.

В санатории меня ждали испуганные глаза жены и не по-детски серьёзное личико сына. Я, как мог, пытался успокоить своих, убеждая, что скоро вернусь, но Полина всё твердила, что у неё нехорошее предчувствие. Короткий отчёт о моих планах превратился в долгое и мучительное прощание, которое я, собравшись с духом, решительно прервал, бросив при уходе через плечо:

– Сына береги.

Дорога до Кобулета не принесла сюрпризов в виде встречных поездов, которых мы больше всего и опасались. На станции, выбежав на низкую платформу, нас встретил её начальник с актуальным вопросом:

– Что случилось? Кто вы такие?

– Курортники, броневая вагон взаимы взяли. Сами хотели бы знать, что происходит, – ответил Никифоров. – Связь с кем-нибудь есть?

– Городская телефонная станция работает. Всё остальное – как обрезаю. Даже семафорами управлять невозможно. Поезда по расписанию не прибыли. Ищем и пытаемся устранить неисправности.

– С горотделом ГПУ от вас можно связаться?

– Да, конечно. Но там говорят, что всё в порядке и волноваться не о чем.

– Тогда проводите меня. Есть у меня кое-что, что товарищей выведет из благодушного состояния, – хмурясь всё больше, закончил Никифоров.

Пока политрук ходил к телефону, мы выбрались подышать и с любопытством осматривались на станции. Да и какая там станция, разъезд просто. Два параллельных пути и низкая платформа между ними. Вместо вокзала какие-то развалины, впрочем, похоже, эти здания начали строить, но так и не сумели закончить. Сам городок был заполнен в основном частными одноэтажными домами, утопавшими в яркой весенней зелени. Жизнь, на первый взгляд, протекала вполне мирно, многочисленные прохожие спешили по своим делам, останавливались поговорить, делали всё, что угодно, но не проявляли ни малейшей враждебности, бросая только удивлённые взгляды на нашу компанию.

Вернувшийся командир МБВ успокоил нас, что с медиками договорено, они будут встречать нас на станции, а горотдел ГПУ держит ситуацию в окрестностях под контролем и обещал сформировать и прислать через час экипаж БеПо.

– Товарищ политрук, какой смысл нам тут час стоять? Да и товарищ Седых прямо приказал вернуться, – влез я с вопросом, кожей чувствуя какой-то подвох. Ничего себе «под контролем», когда в семи-восьми километрах к югу из пушек палят и бронепоезда катаются!

– Вот и я думаю, – согласился Никифоров и скомандовал: – По коням! Товарищ Седых мне прямой начальник, а местные никаких приказов вообще не отдавали. Возвращаемся.

По прибытии назад политрук поделился своими опасениями с командиром. Разговор проходил на наших глазах и оставил у меня в душе щемящее чувство тревоги.

– Думаешь, ГПУ Грузии тоже причастно? – спросил Седых своего подчинённого.

– А чёрт его знает! Но одно точно скажу. У нас бы на севере военное положение в таком случае сразу ввели, – ответил Никифоров.

– А здесь, стало быть, всё в порядке вещей? Первое нападение ещё можно на банду спихать. Но бронепоезд! Ты ведь им результаты допроса пленных доложил?

– Да, товарищ замначкомендатуры!

– А они?

– Потребовали предоставить в их распоряжение, и всё.

– Тааак... В Батуме на юге явно заваруха, там нашей слабосильной команде делать нечего. НПЗ до сих пор горит, столб дыма и туча во весь горизонт. Дорога на север только одна, и идёт она через Кобулет. Медикаменты нам нужны позарез. В амбулатории что тебе ответили?

– Обещали встретить прямо на вокзале. Но коек у них нет столько, и раненых размещать негде. Только лекарствами могут помочь, – развёл руками Никифоров.

– Значит, так. Войдём в Кобулет по двум путям. Ты своим вагоном прикроешь приём медикаментов. С местными чекистами не связываемся. Если попытаются помешать, будем прорываться на север. Возьми к себе ещё пару бойцов, высадишь у входной стрелки, мы их подберём. Выдвигаемся, как закончим погрузку, – подвёл итог Седых и посмотрел на отъезжающий грузовик тяжёлым взглядом.

– Долго ещё? – уточнил Никифоров.

– Раненые все, барахло тоже. Остались убитые. Не бросать же их здесь? Погрузим в твой МБВ, чтобы детишек не пугать лишний раз.

– Есть...

– Вот и превратились мы в «Летучий голландец», – мрачно сказал я Славе спустя полчаса, выжимая рычаг фрикциона и начиная движение.

– Ты о чём?

– «Летучий голландец» – байка морская. Корабль с мёртвым экипажем, предвестник всевозможных несчастий, – я мрачно кивнул на сложенные везде, где только можно, тела.

– Предвестник несчастий? Это правильно. Пусть нашим врагам не повезёт.

– Повезёт им или нет – вопрос. А вот нам при такой жаре наши павшие товарищи духу дадут.

– Это точно. Придётся потерпеть. Ничего, злее будем.

В Кобулете на платформе нас действительно ждали две арбы, запряжённые осликами, с красными крестами на белоснежных тентах – местный аналог «скорой помощи». Как и было спланировано, мы встали сразу на двух путях, прикрыв корпусами повозки. Теперь помешать погрузке могли только спереди или сзади, но вряд ли у кого появилось бы желание подставляться под огонь трёхдюймовых пушек.

Мы со Славой немедленно, как только остановились, выскочили наружу подышать. Остальным такой роскоши было не видать – они дежурили при оружии. Впрочем, двигатель глушить мы не стали, как и отходить далеко от дверей.

Вышел на платформу и наш главнокомандующий, и сразу направился к кобулетскому эскулапу почтенного возраста, дожидавшемуся в компании юной медсестры, смугловатое личико которой наводило на мысли об их родстве.

– Командир БеПо Седых.

– Аксельрод Соломон Моисеевич. Моя дочь, Софья, – врач немного помялся, а потом вдруг выдал: – Стесняюсь спросить, а вы под каким флагом воюете?

Седых аж поперхнулся, проглотив любезность в адрес сестрички.

– Как под каким флагом? Под красным, разумеется! Что за вопросы?!

– Должен вас предупредить, что над входом в исполком недавно таки повесили другой флаг. Чем могу, чем могу... Вы ведь понимаете, моё дело людей лечить. Но лучшее средство – профилактика. Душевно вас прошу, берите медикаменты и езжайте скорее, а то пациентов у меня, чувствую, невпроворот будет.

– Товарищ командир! – дверь бронепаровоза открылась, и оттуда выглянул чумазый Хабаров. – Там со стороны развалин в рупор кричат. Я подумал, может, вам не слышно.

– Угадал. Что кричат-то?

– Начальник местного райотдела ГПУ Аджарии Котрикадзе требует, чтобы мы сложили оружие и сдались. Говорит – Грузия вышла из состава ЗСФСР и СССР!

– Тогда нам с ним говорить не о чем. Можешь ему так и передать.

В ответ на наш категорический отказ над развалинами взлетела сигнальная ракета, а чуть позже – ещё одна, но уже гораздо севернее, уже за окраиной Кобулета. Седых приказал женщинам скорее грузиться, а нам скомандовал к бою. В этот момент я увидел Полину, она споро подавала мягкие мешки в вагон, и на какой-то миг наши глаза встретились. Такой жуткой смеси страха и тоски я не видел ни у кого и никогда в жизни. Ни приободрить, ни успокоить, дорога каждая секунда, что тут поделывать? Только подмигнуть поуверенней, обманывая и её, и себя.

Под бронёй все звуки воспринимаются как-то по-иному. Когда спустя десять минут первый раз бухнула пушка, я невольно оглянулся, чтобы посмотреть, что у нас упало. Точно так же и постукивание пуль по корпусу МБВ я первоначально принял за неисправность двигателя и хотел уже лезть под кожух, но когда Слава стал отвечать из бортового пулемёта короткими очередями, всё встало на свои места. Мы не трогались с места, а бой разгорался всё сильнее. Передняя башня нашего броневагона, единственная, которая могла стрелять вдоль путей на север, била без остановки. Сквозь рокот мотора долетали обрывки фраз и ругань артиллеристов, которые явно нервничали и торопились. Канонада кончилась, когда спереди раздался жуткий грохот и скрежет, ясно слышимый даже сквозь броню. Я не выдержал и, отскочив на время со своего места, выглянул наружу сквозь приоткрытую дверь, которая была обращена внутрь нашей позиции, к другому броневагону. Впереди, в клубах пыли, срыв часть платформы, лежал поперёк путей паровоз пригородного поезда, а за ним громоздились, вздыбившись, вагоны. Нас пытались таранить!

– Слава, что с твоей стороны?

– Хотят с гранатами подобраться, отсекаю!

Машинный телеграф наконец ожил, звякнул, и мы двинулись назад, остановившись только на станции Бобоквати, километрах в пяти от Кобулета. С умыслом ли, или случайно, но наш МБВ отходил первый, поэтому БеПо сейчас стоял на единственном пути «вразбивку». С юга на север по очереди располагались МБВ с прицепленной контрольной платформой; ещё одна платформа, броневагон; замыкал всё бронепаровоз. Никифоров убежал к Седых «на военный совет», а когда вернулся, обстоятельно насколько возможно, обрисовал ситуацию и план командира.

– На север для нас пути больше нет. Остаётся только прорываться на юг в Батум. Наша цель – порт. Там попытаемся захватить какую-нибудь посудину. Путь этот единственный, у нас раненые, женщины и дети, взорвать бронепоезд и уйти пешком нельзя. Седых приказал про-

вести разведку вдоль берега до самого Батума, он сам с БеПо будет следовать за нами с интервалом в час. Если встретим противника, открываем огонь из пушек – это будет сигналом для товарища Седых остановиться. После чего возвращаемся с разведанными для принятия решения. Ситуация ясна? – мы молча кивнули. – Тогда по местам, а то уже вечер скоро.

Вот мы и чешем теперь на юг на скорости тридцать пять вёрст в час, осматривая «с коня» возвышающиеся слева склоны гор. Справа смотреть нечего – дорога идёт по самому берегу моря, частью почти по пляжу, частью над обрывом.

Раздавшийся справа гул выстрела заставил Славу метнуться к бойнице противоположного борта.

– Похоже, наши! Эсминец! Бьёт по кому-то! – крикнул он мне, не отрываясь от наблюдения.

– По кому?

Слава вновь перескочил на левый борт и крикнул.

– Залп лёг впереди и выше по склону. Наверное, он что-то с моря видит, что мы не видим снизу из-под горы.

Мы пребывали в счастливом неведении ровно до следующего залпа, который лёг гораздо ближе к нам, но уже сзади.

– Да он же по нам стреляет! – изумлённо и как-то обиженно воскликнул мой телохранитель. Машинный телеграф звякнул и потребовал полного хода, что говорило о том, что Никифоров пришёл точно к такому же выводу.

Из-за того, что мы ускорились до максимальных шестидесяти километров, третий залп тоже лёг позади. Я рванул рукоять сирены, и над побережьем прокатился длинный гудок. Надежда хоть как-то просигнализировать, что мы свои, провалилась вместе с четвёртым залпом, который не накрыл нас только чудом. Снаряды легли настолько близко, что осколки чуть не пробиты тонкую противопульную броню, кое-где даже в ней застряв. Перед пятым залпом я резко потянул на себя фрикцион и тормоз, надеясь пропустить смерть вперёд. Это мне отчасти удалось, и прямых попаданий не последовало, но броневая броня буквально спрыгнул с пути, заваливаясь на бок. Внутри всё с грохотом полетело со своих мест, и напоследок я увидел жутковатую картину, как мёртвые сами по себе встают на ноги. Вагон, казалось, целую вечность висел в таком неустойчивом положении, но потом неизбежно последовал удар, после которого я отключился.

Придя в себя, я сначала даже не понял, где нахожусь. Сверху, через горловины топливных цистерн, прямо на меня лил соляр. Дизель ревел на предельных оборотах, выдавливая своим грохотом из головы все рациональные мысли, оставляя место только страху и панике. Я заворочился и попытался встать, только сейчас поняв, что лежу на своём телохранителе, который слабо застонал от моих неосторожных телодвижений. Надо валить отсюда как можно скорее! В любую минуту рванёт!

Выходов было всего два: один на левом борту, ставшем теперь потолком, второй – на правом, ставшем полом. Я решил, что не подниму своего товарища наверх, а косо лежащий вагон давал надежду, что внизу может оказаться пустота, поэтому я, освободив дверь от телограничников, открыл её внутрь. Мне действительно повезло – под вагоном оказалась снарядная воронка, через которую я и вытащил, с огромным трудом, своего бессознательного напарника.

Отнеся его подальше назад по ходу движения – хватило сил метров на полсотни – уложил в другую воронку и огляделся вокруг. Эсминец больше не стрелял, он шёл самым малым ходом на юг, почти под берегом, но орудия по-прежнему были наведены на нас. МБВ валялся в стороне от развороченного пути, из его щелей и других отверстий в броне начал появляться белый дымок. Скорее всего, это испарялось попавшее на раскалённые части мотора дизтопливо, иначе – в случае пожара – дым был бы чёрный.

Эти соображения заставили меня рискнуть и попытаться вернуться к броневагону. Там могли остаться ещё живые пограничники, и их надо было вытащить! Не успел я сделать и трёх десятков шагов, как с моря бухнул выстрел, и прямо на моих глазах МБВ, отгороженный от меня сошедшей с рельс контрольной платформой, вздулся от попадания фугаса. Казалось, медленно разошлась по швам и стыкам брони, высветив ярко-жёлтым, а потом во все стороны рвануло тёмно-багровое пламя.

Абсолютный рекорд по вводной «вспышка спереди» мной был, несомненно, установлен. Я успел развернуться и плюхнуться на пузо, но меня обдало удушливым жаром, и соляр, пропитавший мою одежду и налипший на кожу, вспыхнул. Не помня себя от боли, я устремился к морю, сдирая по пути горящую куртку. Бежать было всего полсотни шагов, и я опять с запасом перекрыл все олимпийские достижения, развив такую скорость, что встречный вечерний бриз сдувал назад охватившее меня пламя. Влетев с разбега в воду, я на короткий миг избежал от одной боли, которая сразу же сменилась другой, не менее сильной, когда морская соль добралась до ожогов.

Выползая совершенно без сил на берег, лишь бы меня не достал прибой, я замер, прижавшись к холодной гальке, и в отчаянии пробормотал:

– Скорее бы сдохнуть...

– Ой, какой страшенький! – присела рядом со мной маленькая девочка с небесно-голубыми глазами на усеянном конопущками личике, обрамлённом пшеничного цвета волосами, сплетёнными в косичку. – Нет, раньше ты мне больше нравился, такого я с собой не возьму. Приходи, когда усы снова отрастишь...

Пигалица поднялась и направилась к горящему МБВ, её белоснежная рубашонка до пят в лучах заходящего солнца казалась ярко-алой.

– Стой... Куда! – пробормотал я вслед, опасаясь, что малышка сгорит по глупости.

– И даже не проси... – бросила она в ответ не оборачиваясь. И вошла прямо в пламя.

Эпизод 6

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьёшься надо мной?
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой!

В мглистом, сером небе, на фоне стремительно проносящегося перед остановившимся взглядом сплошного пепельного покрова облаков, над поднимаемыми с выжженной, мёртвой земли клубами мелкой, жгучей пыли кружила птица.

Что ты когти распускаешь,
Над моею головой?
Иль добычу себе чаешь?
Чёрный ворон, я не твой!

Крылья, в которых, казалось, поселилась сама тьма, обняли ветер, сохраняя при этом неподвижность, и лишь едва заметные чёрточки перьев на самых кончиках плавно выгибались под его неистовыми порывами, служа мостиками, которые соединяли величие монументального покоя и ярость хаоса бури.

Полетай ты, чёрный ворон,
К милой любушке домой.

Ты скажи ей – я женатый,
Я женился на другой.

Ворон кружил всё ниже и наконец исчез из виду, отчего стало невыразимо одиноко и тоскливо. Пропало последнее существо, составившее мне пусть и не весёлую, но всё-таки компанию в этой безжизненной пустыне.

Оженила меня пуля
Под ракиновым кустом.
Востра шашка была свашкой,
Конь буланый был сватом.

Угольно-чёрная голова с острым гладким клювом выдвинулась снизу, и было непонятно, то ли птица уселась мне на грудь, то ли была так велика, что я сам целиком поместился между её лап.

Взял придано небольшое —
Много лесу и долин,
Много сосен, много ёлок,
Много-много вересин.

Немигающий взгляд антрацитовых глаз встретился с моим, остановился, проникая всё глубже, и в голове прозвучал резкий, сварливый голос:

– Что разнылся? Ох, горе ты луковое, никому-то ты не нужен такой, ни на том свете, ни на этом. Возись теперь с тобой.

Ворон сделал головой несколько мелких движений, будто примериваясь. Всё, сейчас глаза выключет. А и чёрт с ними, всё равно смотреть не на что!

– Чёрта не поминай. А гляделки тебе ещё пригодятся, будет на что взглянуть. Не бойсь! Я только лишнюю начинку из тебя вытащу.

Картинка перед глазами стала изредка резко дёргаться, будто тело, которое я совершенно не чувствовал, теребили. Как же, не бойсь... Какая такая это у меня начинка лишняя? Печень, поди? Нет, печень – это по орлиной части. Блин, меня жрут, а в голову разная мифологическая чепуха лезет... Снова в поле зрения показалась птичья голова, отвернула измазанный клюв в сторону и разжала его. На землю, с резким скрежещущим звуком, что-то упало. Слышал я уже такое один раз, когда чеченские подарки вырезали.

– Угадал. Переизбыток железа у тебя в организме, с жизнью практически несовместимый. Сам виноват. Лежи вот теперь и думай, как докатился до жизни такой, а меня не отвлекай.

Долго ли, коротко – дёрганье продолжалось, перемежаясь позвякиванием. А я всё думал и думал. Сам виноват? Что я сделал-то, чтобы меня из пушек расстреливать? С Кавказом меня связывало сейчас только одно. Точнее – один. Берия. Спутаны мы с ним, видно, как верёвочкой. Как за неё ни потяни – всем вокруг боком выходит.

– А ты как хотел? Всяк человек, что на своём месте, там и должен оставаться. Иначе сядет кто-то другой на место чужое и повернёт всё по-своему. Вот и Лаврентий, хоть и подложил ты ему свинью, но Закавказье держал. А ты что? Испугался, что за товарищем Сталиным некому присмотреть будет? А Кавказ на кого оставил? Не всякая прямая дорога самая короткая.

– Так кто ж знать мог, что так всё повернётся? Берия что – один-единственный, на нём свет клином сошёлся? В Закавказье в каждой республике по своей компартии и по республиканскому ГПУ. С чего вдруг мятеж? – вступил я в мысленный диалог.

– А с того, мил человек, что власти, если её понимают как безнаказанность, хочется всё больше и больше. Вот, скажем, взяла некая шайка всю власть в Грузии, перспективы у них какие? Закавказье – захолустный угол, из него в центр не вырваться, там своих полно. Это украинцы или, скажем, ленинградцы ещё шанс имеют, а закавказцам в лучшем случае должность какого-нибудь директора завода или начальника железной дороги светит. Это хлопотно, работать надо и ответственность нести. То ли дело в ЦИКе, пусть грузинском, сидеть, указывая всем правильную линию. Спросишь, почему так? А всех, кого центр из Закавказья мог принять – уже там. Пропорциональность национальных представительств в аппарате власти нужно соблюдать, и сверх пропорции могут только выдающихся людей дополнительно привлечь. Думаешь, много в Грузии выдающихся? Или, как вариант, убрать какого-нибудь кавказца из центра и занять его место. Руки коротки в мирной жизни. Вот и выходит, что нет у шайки перспектив приращения власти за счёт карьерного роста. Следующий шаг тогда – избавиться от того, что может эту самую власть ограничивать. От контроля центра. И незачем грузинам бороться за власть в ЗСФСР, много интриг, риска, а в результате – та же самая власть над Грузией, ибо в Армении и Азербайджане свои князьки, и чужим туда ходу нет. А третьим шагом, если второй удастся, попомни моё слово, будет их междоусобная грызня, пока не останется только один на самом вершине пирамиды.

– Бреешь, пернатый. Не может быть такого, чтобы чекисты мятеж проморгали.

– А чекисты, думаешь, по другим законам живут? Горячее сердце, холодная голова? Как же! Закон стаи никто не отменял! Выдвинуться можно только всем вместе, с хорошим вожаком во главе, поддерживая его и оберегая. Ты хоть знаешь, кто сейчас ГПУ Грузии возглавляет? Нет? Не важно. Что, думаешь, его стая с людьми Берии сделала, которых тот не успел в центр и на заводы дизельного главка перевести? Сожрала за три года! И стала хозяйкой. А в центр им опять дороги нет. Не тот калибр.

– Если не чекисты – то армия. Армейцам нет никакого резона сепаратистов поддерживать. У них вершина карьеры в Генштабе и наркомате обороны.

– Эх, друг мой ситный, ты будто вчера родился, и память тебе напрочь отказала. Или ты «Время танковых атак» Бабаджаняна никогда не читал? Припоминаешь, как он в армянской национальной дивизии свою службу начинал? А когда он русский язык выучил, в каком звании был? То-то. На деле армия в Грузии национальная, а настоящий военный не может не быть патриотом. В данном случае патриотом Грузии, или националистом – это с какой стороны поглядеть. Любой грузинский комдив командует четвертью национальной армии. А в РККА он кто? Один из десятков?

– Ё-моё, что же теперь будет?

– Поживёшь – увидишь, полетели.

Ворон подхватил меня за пояс и понёс сквозь небесную и земную серость вдаль.

– Эй, птица! – попытался крикнуть я, но в ушах раздался лишь слабый стон. Впрочем, моему крылатому собеседнику достаточно было только мысли. – А кто всё это затеял, можешь сказать?

– Я знаю только то, что знаешь ты, но не обращаешь должного внимания.

– А летим-то куда?

– А в мёртвой воде купаться.

– Ага, понятно. Мало того что мне шкуру подпалили, так я ещё и с катушек съехал. Весёленькое дельце... В молоке и двух водах, Конёк-горбунок черныбыльский... А почему только в мёртвой?

– Не обзывайся. Считай, что я твой внутренний голос. Или раздвоение личности, если тебе угодно. А живой воды здесь просто нет.

– Эй, внутренний голос! Коли ты вдруг объявился, может, подскажешь, что мне теперь-то делать?

- Отчего же, подскажу. Убей вождя!
- Что?!
- Эх, родной, да у тебя ещё и все анекдоты контузией из головы выбило?
- Я хотел было усмехнуться шутке, но понял намёк, и от этого стало ещё тоскливее.
- Что, всё так серьёзно?
- Более чем.

Эпизод 7

– Закройте форточку, больной простудится, – сказал мягкий мужской голос, и одновременно со стуком двери послышалось женское ворчание:

– Жарища такая! Простудится, как же. Задохнётся скорее.

– Марь Иванна, не спорьте, я доктор, вы санитарка, просто делайте то, что вам говорят. И постарайтесь выполнять впредь распоряжения в точности, я устал уже вам постоянно делать замечания по поводу проветривания. Должны же понимать, что, может, не простого человека лечим, а известного конструктора, сам начальник морских сил приказал его на ноги поставить. Или хотя бы в чувство привести.

– Да нашему больному всё равно. Глаза откроет, а там пусто, будто всю голову напрочь отшибло, закроет и спит дальше.

– Состояние больного действительно необычное, но это не даёт нам права... Давно последний раз в себя приходил?

– Сменщица говорила, вечером вчера. Но то ещё до обхода было, с тех пор ничего. Ой! Смотрите, вспомнишь про что, вот и оно! Опять таращится!

Моё зрение, по сравнению со слухом, подкачало. Перед глазами смутно угадывались только два размытых белых пятна. Звонкие щелчки пальцев перед лицом я расслышал прекрасно, но рассмотреть руку не смог.

– Смотрите, Игорь Дмитриевич, есть какая-то реакция! Раньше он вообще всё игнорировал, а теперь вроде даже морщится.

– Сам вижу. Больной! Вы меня слышите?

Я попытался ответить и не смог. Голоса не было.

– Моргните хотя бы, если так.

Я послушно исполнил приказ.

– Отлично! Поздравляю вас с возвращением. Вижу, говорить вы пока не можете, поэтому просто моргните, если почувствуете боль.

Доктор начал меня ощупывать, но кроме зуда по всему телу, меня ничего не беспокоило, поэтому я замер, боясь моргнуть и ввести врача в заблуждение. Тоже мне умник, не мог уговориться, чтобы я наоборот – глаза открывал!

– Хм. А вы вообще что-нибудь чувствуете?

Я с огромным удовольствием просигнализировал в ответ.

– Пошевелить чем-нибудь можете?

Практически все мои усилия остались, как мне показалось, тщетными. Не мог же я всерьёз считать слабые движения пальцами рук и ног за «пошевелить»? Лучше всего у меня выходило двигать челюстью, на что врач отреагировал оптимистически.

– Паралича нет, а кормить вас можно, вижу, прямо сейчас. Есть хотите? Пить?

Пить хочу однозначно. А есть? Не знаю...

– Вот и хорошо, – подвёл итог доктор, – скоро поправитесь. Ещё один вопрос. Вы Семён Петрович Любимов?

Конечно, это я! Кто же ещё!

– Вот и отлично.

Эпизод 8

– Проснулись, товарищ Любимов? – обратилось ко мне через три дня размытое белое пятно. – Говорить можете?

– Ещё не понял, – ответил я, прислушиваясь к ощущениям и пытаюсь сфокусировать взгляд на собеседнике.

– Тогда пока послушайте, я кое-что расскажу. Четырнадцатого мая в Грузии состоялся подпольный съезд, который принял решение о выходе республики из состава ЗСФСР и СССР. Тем же вечером вспыхнуло вооружённое восстание, поддержанное частями Закавказской армии и некоторыми частями ГПУ Грузии. Батумский погранотряд остался верен центру, и его попытались уничтожить открытой силой, используя в том числе бронепоезд. Отряд устоял в городке пограничников и передал сообщение, что БеПо ушёл на север. Я направил эсминец «Шаумян», чтобы перехватить мятежников на приморской дороге, что тот и сделал. На берегу были подобраны двое, вы и ваш телохранитель, товарищ Панкратов. Последний ненадолго пришёл в сознание и представился, рассказав, что и вы тоже были в броневагоне. Вы оба были доставлены в севастопольский морской госпиталь. Товарищ Панкратов уже неделю, как выписан и отправлен в Москву по месту службы. Ваши приключения он нам рассказал. История, конечно, неприятная, но командовавший эсминцем в отсутствие командира старпом товарищ Владимирский, – говорящий показал рукой на своего спутника, – исходил из того, что БеПо захвачен врагом. Пока к вам не пришёл следователь, чтобы зафиксировать ваши показания, я хотел бы просить вас об одном одолжении. Не могли бы вы сказать, что пожар и взрыв броневагона произошёл в результате схода с рельс? Погибших всё равно не вернуть, а живые могут поиметь немало неприятностей, если вы скажете о последнем выстреле.

– Кто вы? – я смог наконец чётко рассмотреть лысоватого человека в надетом поверх чёрной морской формы медицинском халате.

– Флагман флота второго ранга Кожанов. Командующий Морскими силами Чёрного моря.

– Что с остальным составом БеПо? – говорить было трудно, поэтому я старался выражаться как можно короче и задавал только самые важные вопросы.

– На следующий день, шестнадцатого мая, мы высадили в Батум десант на помощь пограничникам. Бронепоезд внезапно атаковал мятежников с тыла и прорвался непосредственно в порт, чем способствовал общему успеху операции. Мы были уже в курсе, что он в наших руках, поэтому инцидентов, как с «Шаумяном», не случилось. Раненые и гражданские, прибывшие с БеПо, эвакуированы. Командир, товарищ Седых, остался в Батуме с новым экипажем.

– Где моя семья?

– Они были там? Я наведу справки, но большинство эвакуированных после лечения уже отправлены по домам и местам службы.

– Сколько времени прошло?

– Сегодня двадцать второе июня. Очень вы долго без сознания были. Если бы не наши морские врачи, – подчеркнул Кожанов, – вряд ли бы выкарабкались. Они тут целую систему развернули, только чтобы вас кормить, не говоря обо всём прочем. Впрочем, для них это тоже было интересным опытом. Говорят, случай ваш уникальный.

Я молча переваривал услышанное. Впервые с начала событий у меня было время поразмыслить о превратностях судьбы и её злых шутках. Влез, сиволапый, историю менять! Только не учёл, что кроме меня таких умников миллионы. И что с того, что они не знают точно, что должно быть, а лишь предполагают? Главное – делают. Вот и теперь, выдернув Берию из Закавказья, я, очевидно, ослабил региональную ЧК и партаппарат, чем не преминули воспользо-

ваться пока не известные мне личности в своих целях. Впредь будет мне наука. Прежде чем что-то делать, надо хорошенько подумать, собрать предварительно информацию, а не руководствоваться послезнанием. Которое на деле оказалось полным фуфлом.

– Какова ситуация в Грузии сейчас?

– Если коротко, в Закавказье мы удерживаем Армению, Абхазию, плацдармы в Поти и Батуме, район Баку. Всё. На Северном Кавказе, в горских республиках, особенно в Чечне, идут тяжёлые бои с местными бандами, которые получают поддержку через хребет. Сил для активных действий по подавлению мятежа пока нет.

– Как же так могло получиться? Где же РККА?

– Армянские части Закавказской армии и руководство Армении остались верными центру. Частично. Они подписали с Грузией соглашение о невмешательстве – опасаются турок, которые, видя, что СССР на Кавказе ослаб, начинают потихоньку снабжать мятежников оружием на иностранные деньги. В Поти и Батуме плацдармы держат фактически два полка и пограничники, опираясь на флот – большего с Украины и Крыма выделить не смогли. Абхазию контролирует Нестор Лакоба, собрав ополченцев; регулярных частей РККА там нет. Азербайджанские национальные части, получив приказ на подавление мятежа, сволочи, самораспустились. Грузины, двинувшись двумя дивизиями им навстречу, вышли почти к Баку, пришлось перебрасывать войска из Средней Азии, чтобы его удержать. На Дальнем Востоке японцы напали на Китай и, кажется, хотят оккупировать Маньчжурию полностью, это заставляет опасаться и за нашу территорию. В такой обстановке партийная оппозиция настаивает на политическом решении грузинского вопроса и свёртывании программы коллективизации, блокируя, после похода азербайджанцев, решения о разгроме грузинских сепаратистов вооружённым путём. Наркомвоенмор тем не менее потихоньку стягивает войска на Северный Кавказ, мотивируя борьбой с бандитизмом.

– Дела...

– Дела... Грузия ещё и в Лигу Наций обратилась с просьбой о помощи продовольствием. Буржуи тут же пошли им навстречу, и теперь мы не справляемся с потоком контрабанды. Везут, само собой, оружие – хлеб только для маскировки. У нас тоже голод. ЦК партии даже приказал приостановить экспорт хлеба. В Одессе отгрузка полностью прекращена. Так как там насчёт моей просьбы?

– Что?

– Насчёт показаний...

Что за человек! Тут весь мир рушится, а он о пустяках! Я всё прекрасно понимаю, мстить нечаянному виновнику смерти экипажа МБВ не собираюсь. Впрочем, может, комфлота за своё место боится, наверняка у него и других косяков хватает, а лишняя соломина ломает хребет верблюду. С тем, что случилось, уже ничего не поделать, надо смотреть вперёд.

– Что я с этого буду иметь?

– В смысле?

– Я избавляю вас от неприятностей и хочу знать, что вы можете предложить за услугу.

– И что же вы хотите?

– Сделайте заключение о непригодности торпедных катеров Туполева и потребуйте другие, с хорошей дальностью, мореходностью и торпедными аппаратами, которыми можно пользоваться на стопе. Мощное артвооружение, в первую очередь зенитное, приветствуется.

– Можете меня не агитировать. Эти поплавки – вредительство. Мы уже хлебнули с ними горя, направив в Батум и Поти, до которых они даже дойти своим ходом не могут. Пресечь контрабанду морем этими посудинами практически невозможно, их не выпустишь в свежую погоду, а вооружение у контрабандистов оказывается всегда мощнее, а сами посудины – живучее. Не торпедами же по ним стрелять? Это ещё умудриться попасть надо, да чтобы под килем

не прошла. Держать корабли в море мы тоже постоянно не можем, трудности с топливом. Из-за них фактически действуют только эсминцы, сторожевики и канонерки, да и то в четверть силы.

– А вот про вредительство – не надо. Товарищ Туполев хороший конструктор и всего лишь решил поставленную задачу. Не его вина, что задача неверная и нужен другой тип катеров.

– Ладно, договорились. Мы пойдём, а вы выздоравливайте, нам на флот дизеля нужны.

– Подождите. А как это товарищ Панкратов, мой прикрепленный, убыл по месту службы?

Он что, меня здесь одного бросил?

Комфлота замялся, а потом признался нехотя.

– Вообще говоря, он и не знает, что кроме него кто-то спасся. Он ведь без сознания был в момент взрыва. А вы у нас проходили как безымянный, пока в себя не пришли и не представились. Вы не беспокойтесь, семью вашу разыщем и сообщим, что вы у нас, живы и почти здоровы. Врачи говорят, ещё не более чем на месяц здесь задержитесь.

Эпизод 9

Пятнадцатого июля с самого утра за дверью моей палаты поднялся шум, среди которого я явно различил голос жены:

– Где он?

– Подождите, вам говорят. Больной спит ещё.

– Я уже достаточно ждала. Покажите мне мужа немедленно!

– Я здесь и уже проснулся! – подал я голос как можно громче.

– А, так и знала, что ты живой! – раскрыв дверь нараспашку влетела ко мне в палату Полина. – Не мог ты просто так сгинуть...

Сын, бросив руку матери, подбежал к моей кровати, но озадаченно остановился, разглядев меня и сомневаясь, действительно ли этот человек со знакомым голосом его отец.

– Привет, малыш! Не узнал? Вот папка теперь такой. И был то не красавец, а теперь ещё и пятно на пол-лица.

– Это пройдёт со временем, не беспокойтесь, – поспешил успокоить моих вошедший следом врач. – Ожоги были серьёзные, больше всего пострадали ноги и ягодицы, да ещё ранение в плечо осколками камней, но теперь всё уже позади, хотя шрамы на ногах, наверное, останутся. А лицо скоро нормального цвета будет. Можете сейчас полчаса пообщаться, а потом будьте любезны на процедуры.

– Рассказывай... – взял я за руку севшую ко мне на кровать Полину, едва только доктор закрыл за собой дверь.

– А поцеловать?

Я мигом исправил упущение, попытавшись тут же за него оправдаться.

– Знаешь, я здесь весь уже извёлся без новостей. Врачи говорят, не надо волновать. То, что я без информации волнуюсь ещё больше, их не беспокоит.

– Да что рассказывать-то? Вы как уехали, мы за вами потянулись, да грохот услышали, поэтому до темноты отстаивались за деревьями. Потом по вашим следам двинулись и увидели, что произошло. Не дай боже ещё раз такое... Хорошо, ночь была, особо не рассмотришь... Но я как чувствовала, что выбрался ты, думала всё, сейчас тебя наши найдут. Седых отправил мужиков в разведку, а бабы всю ночь пути ремонтировали, разбирая их позади бронепоезда и перенося вперёд. Утром с боем прорвались в порт. Как, чего – не скажу, сидела внутри и ничего не видела. Из Батума нас на военном корабле перевезли в Новороссийск. Раненых в больницу, а нас, здоровых, отправили по домам. Куда мне было деваться? Решила, отвезу Петю домой и оставлю с Машей, а сама вернусь тебя искать. Приехала, а там меня чекисты в оборот взяли, про тебя выясняли, душу всю вытрясли. И ехать сюда не могла, потому что

подписку дала. А как они от меня наконец отстали, телеграмма пришла, что ты в Севастополе, приезжайте, мол, забирайте. Я подхватила сразу, даже записку забыла крестным оставить. Вот мы и здесь. Еле доехали за две недели, на железной дороге ерунда какая-то, все пассажирские поезда отменили, пришлось с воинскими добираться, да не все подсаживают. Говорят – приказ. А ты как?

– А что я? Я три недели назад только в себя пришёл. Общаться ни с кем не дают, газет тоже. Раньше хоть чекист пару раз приходил по поводу гибели броневана. Обещали через неделю выписать.

– Ой, а где же я с Петей всё это время буду?

– А со мной. Договорюсь, чтобы тебя сиделкой оформили. Заодно и отпуск мой на море догуляете. Да, малыш? – посмотрел я на по-прежнему недоверчиво смотрящего на меня сына. – Ты не испугался?

Петя сначала закивал, соглашаясь на морские купания, а потом, без паузы, начал отрицательно мотать головой.

– Испугался, конечно, – ответила за отпрыска жена, – он и говорить-то с тех пор стал очень мало. Пройдёт со временем. Только ты, пожалуйста, больше нам такого не устраивай. Ни на какие моря я больше ни ногой! Ни за какие ордена и прочие коврижки!

– Ты о чём?

– Так тебя за захват бронепоезда орденом Ленина наградили. Посмертно. Берия сам ко мне домой заезжал и награду передал, да я взять с собой сюда забыла впопыхах. Так что ты у нас теперь орденосец.

Снова здорово!

Эпизод 1

Ту неделю, что я долечивался в Севастопольском морском госпитале, я полностью посвятил утолению информационного голода и осмыслению полученных сведений. В первом вопросе мне изрядно помогла жена, обеспечившая меня не только свежими газетами, но и старыми экземплярами, добытыми по случаю.

События развивались совершенно неожиданным для меня образом, я, откровенно говоря, даже растерялся. Верхушка компартии Грузии, едва взяв под контроль большую часть территории республики, кроме Абхазии, предложила руководству СССР переговоры, фактически предъявив ультиматум. Первым пунктом был созыв внеочередного съезда ВКП (б) и пересмотр курса партии на коллективизацию, которую руководство компартии Грузии в своей республике само же фактически саботировало и провалило, что и послужило поводом для мятежа. Далее шли требования об упразднении ЗСФСР и вхождении Грузии в состав СССР на особых условиях, фактически выводящих руководство республики из-под контроля центра. При этом Грузия становилась фактически независимой, но продолжала пользоваться всеми преимуществами от участия в Союзе.

Политбюро ВКП (б) было вынуждено согласиться на созыв съезда, так как это требование громогласно поддержала вышедшая из подполья и объединившаяся оппозиция самых разных толков, которую в сложившейся ситуации нельзя было тронуть не возмутив рядовых партийцев, и действующая по принципу: «Враг моего врага – друг, пусть и временно». Судьба СССР повисла на волоске, так как на съезде команда Сталина имела очень шаткие позиции, и были большие шансы на то, что её отстранят от власти. Что будет потом, я себе прекрасно представлял – анархия и делёж власти в центре на фоне знакомого по девяностым годам двадцатого века «парада суверенитетов» на окраинах.

Единственным способом избежать этого было скорейшее подавление мятежа вооружённым путём, ещё до съезда. Но РККА оказалась совершенно не способна оперативно отреагировать на угрозу. Мобилизация кадрированных дивизий протекала недопустимо медленно. Отчасти это объяснялось тем, что дивизии комплектовались исключительно добровольцами из пролетариата; крестьян, опасаясь их нелояльности, не призывали. Оппозиция тоже, по мере сил и возможностей, саботировала эти мероприятия, занималась в основном пропагандой и вопила о недопустимости межкоммунистической гражданской войны.

Вследствие недостатка сил, РККА совместно с войсками ОГПУ смогли взять под контроль только Северный Кавказ и, перебросив закалённые в боях с басмачами части из Средней Азии, отстоять Азербайджан. Морские силы Чёрного моря сохраняли плацдарм в Потии.

Батум был потерян после того, как в Закавказье случился второй по счёту мятеж, на сей раз чисто антикоммунистический. Руководство компартии Грузии понимало необходимость продержаться «на штыках» до съезда, поэтому вооружало всех, кто был готов встать на его защиту. Но эта масса людей была отнюдь не однородна, и очень многие видели первоначальную цель восстания в отделении от СССР. После предъявления ультиматума, когда все точки над *i* были расставлены, руководство мятежников потеряло поддержку масс внутри Грузии.

Ситуация усугублялась тем, что вместе с иностранной помощью оружием, в Закавказье прибывали добровольцы самых разных окрасок. От ветеранов белого движения, сохранивших сухим порох в пороховницах, которым осточертел быт парижских таксистов, до убеждённых коммунистов-коминтерновцев, считающих, что строительство общества нового типа в СССР пошло неправильным путём.

Конечно, помогали мятежникам-коммунистам из-за границы не за красивые глаза, их просто использовали для свержения советской власти. С этой целью из Парижа в Закавказье с помощью «иностранных разведок», которые на все лады кляла центральная пресса, прибыло Грузинское эмигрантское правительство, которое и подняло знамя нового белого мятежа, объединив вокруг себя все контрреволюционные элементы. В первые же три дня им удалось полностью взять под контроль район Батума и сам порт, выбив оттуда пограничников и моряков-черноморцев, который до того «национал-коммунисты» безуспешно осаждали месяц. Этому способствовало то, что основной ударной силой эмигрантского правительства была бригада, укомплектованная ветеранами белого движения и снаряжённая наилучшим образом.

Теперь, имея порт, который МСЧМ не могли эффективно блокировать из-за недостатка топлива, белые стали получать не только лёгкое стрелковое оружие, но и артиллерию, и даже танки. Появилась у них и собственная боевая авиация, пусть малочисленная, но сильно осложнившая жизнь моряков-черноморцев.

Однако нет худа без добра. Грозные события на Кавказе позволили Сталину, получившему тяжёлый удар, устоять. В первый же день открывшегося шестого июля съезда партии он, пользуясь тем, что всё происходящее было «моментом истины», и каждый должен был определить свою позицию – показать своё истинное лицо, – обрушился с беспощадной критикой на объединённую оппозицию, обвинив её во всех смертных грехах. Его оппоненты единомысленно лишились своих партбилетов, по ним даже не голосовали персонально, а вышибли из партии общим списком, и их дальнейшую судьбу нетрудно было предугадать.

Впрочем, последние события произошли уже в то время, когда я, выписавшись из госпиталя, въезжал в Москву.

Эпизод 2

Сказать, что моё возвращение стало для всех неожиданностью – не сказать ничего. Ведь меня дружно считали погибшим. Пётр и Мария Миловы, которым Полина не оставила даже

записки о том, куда и зачем уехала, даже посчитали, что моя жена, попав в немилость ОГПУ, подалась в бега. На стенде, перед проходной завода ЗИЛ, всё ещё висел мой портрет с некрологом. Из которого я, кстати, узнал, что являюсь членом партии. Видимо, приняли задним числом из пропагандистских соображений.

Каково же было удивление заводчан, когда утром седьмого июля я заявился на работу! Впрочем, удивление было взаимным. Ещё бы, на ЗИЛе моего КБ больше не было! Остался только небольшой отдел, в составе собственно ЗИЛовского автомобильного КБ, занимавшийся сопровождением производства «сотых» моторов. Оказалось, что и в ГУБД произошли существенные изменения. Вместо уехавшего со своей командой наводить порядок на Кавказе Берии, начальником – пока временно – назначили Лихачёва. Вот он-то и порадел своему заводу, разом покончив с двоевластием на одной территории, объединив моё КБ с КБ Чаромского под руководством последнего. Брилинг был назначен к нему заместителем по «приземлённому» направлению. Разместилось новое центральное КБ БД на территории авиамоторного завода.

На следующий день я напросился на приём к Лихачёву, чтобы он прояснил мне, что в сложившейся ситуации делать. Пришлось подождать в приёмной, почти час сидя в очереди – пока он разбирался с более расторопными посетителями.

– Иван Алексеевич, к вам товарищ Любимов, – заглянул в кабинет начальника секретарь, когда вышел последний.

– Пусть заходит, – донеслось изнутри.

Я вошёл в помещение, где всего четыре месяца назад произошёл тот памятный разговор с Берией и Меркуловым, и от воспоминания меня слегка пробрало, по коже даже пробежали мурашки. Неужели это я в самом деле, литературно выражаясь, послал лесом своего начальника и куратора? Сейчас даже и не верится.

Лихачёв сидел за столом и что-то подписывал. С виду он оставался вроде прежним, но что-то в нём неуловимо изменилось. Как-то он поважнел, исчезла та пролетарская простота, которая была его коньком в бытность директором завода. Мельком взглянув на меня, он взял очередной документ и принялся его читать, одновременно спрашивая:

– Любимов? По какому вопросу? Был у нас уже тут один Любимов, герой. Слыхал?

– Ай, не узнал, Иван Алексеевич! Богатым буду!

– М-а-терь божья! – забывшись, брякнул новый начальник главка. – Петрович... Откуда?

– История, значит, такая со мной приключилась. Прибыл я к райским воротам, а мне там архангел и заявляет: приняли тебя, мол, в компартию, посему поворачивай оглобли и ступай в ад, коммунистам там самое место. Делать нечего, явился в ад. Посадили меня на сковородку и давай поджаривать. Да по мне и так видно, что старались. Только как-то я этих мучений не оценил. Маловато, говорю! И от технического прогресса вы, черти, отстали совсем! Даже на земле уже электротокком пытаются! Давайте, говорю, двигатель Стирлинга поставим с генератором, а провода, значит, к пяткам подведём. Почесали черти рога и отправили меня на доклад к самому Сатане. Я ему всё обсказал; да ещё, когда через круги ада шёл, заметил, что в одном ураган постоянно дует – предложил заодно и ветрогенераторы поставить. Обрадовался Сатана, говорит, делай, мол. Хорошо, говорю, только дай мне станки высокоточные, сталь легированную, подшипники, алюминий, алмазы на резцы, да научи чертей со всем этим работать! Обещал адский начальник мне помочь, но учёбу на меня взвалил, так как сам ничего не умеет. Разослал Сатана своих слуг на поиски, что-то нашли, что-то нет, но работу начали. Тут принялся я чертей учить. Чуть что не так – враз шваброй по хвосту! Взвыли черти от жизни такой и давай, значит, Сатане на меня доносы строчить. Сил, мол, наших больше нету терпеть такое издевательство! Ведь что получается? Меня в ад мучиться определили, а я сам там всех замутил! Непорядок! Думал Сатана и так, и сяк. Ничего не смог придумать, только голова разбо-

лелась. И «забанил» он меня в аду – это у них там выражение такое – сослал меня с глаз долой обратно на землю, к товарищу Лихачёву. Ему не привыкать!

Под конец моего рассказа Иван Алексеевич, не стесняясь, уже смахивал выступившие на глазах от смеха слёзы.

– Точно Петрович! Я было засомневался, да разве тебя с кем перепутаешь!

– Смех смехом, а дела нешуточные! Вернулся я, а КБ моего нет! Что, товарищ начальник, делать прикажешь?

– Семён Петрович! Ну что ты с места в карьер? Давай сначала за твоё возвращение? – Иван Алексеевич открыл шкаф и достал оттуда пару стаканов, початую бутылку водки и краюху ржаного хлеба.

– Даже не думаешь, что откажусь?

– Не думаю. За такое не выпить нельзя!

– Раз такое дело – наливай.

Лихачёв плеснул в стаканы, и мы, чокнувшись, выпили.

– А всё-таки, как ты выбрался? – продолжал наседать начальник. Пришлось рассказать ему историю своих злоключений.

– Вон оно как выходит. А мы ведь тебя тут уж совсем похоронили. Но это ничего, жить, значит, долго будешь. Про наши дела, стало быть, уже наслышан?

– В общих чертах.

– Видишь, какая петрушка получается, не могу я тебя сейчас в КБ вернуть. Оно после реорганизации только работать нормально начало, только всё устаканилось. А ты сейчас начнёшь снова всё по-своему перестраивать, опять толку не будет.

– Значит, пока я отсутствовал, никакой работы не велось?

– Ну, почему же? Дела шли. Мы тут «сто второй» серийный до ста сорока сил раскрутили, да с новым ТНВД и запустили в производство. Следом и 280-сильный «сто четвёртый» пошёл с такими же изменениями.

– Это каким же путём достигнуто?

– Брилинг перенёс форсунку на десять градусов по окружности цилиндра, распыление топлива получилось гораздо лучше. Ну, и подшипники скольжения из прессованной бронзовой стружки в опоры коленвала поставили. Мощность и ресурс выросли, а расход топлива увеличился незначительно. Видишь, мужики и без тебя справляются и свои решения находят. Ты бы ведь форсунку перенести никогда бы не додумался?

– Без подшипников, стало быть, не обошлось. Какая была необходимость?

– Да, понимаешь, случай. На броневик всё-таки затребовали форсированный мотор, и мы его сделали. А потом БА на наших шасси решили не делать. Потому что на шасси ГАЗ-АА дешевле машина, а вооружение и бронирование одинаковое. На наше шасси, конечно, мощнее и то и другое поставить можно. Да вот беда, нет пока в наличии ни пушек, ни башен, ни толстого бронелиста. Но пойдут горьковские броневики с дизелями, которые на «Коммунисте» из твоего пускача сделали, пусть тебя это утешит. Броневики броневиками, а мотор-то остался. Вот и решили мы его на конвейер поставить – изменения незначительные, мы даже производство не останавливали.

– А «сто тридцатый» мотор как?

– А «сто тридцатый», с усовершенствованиями Брилинга, запустили в Ленинграде в 300-сильном варианте. Немного пока, но дело сдвинулось с мёртвой точки. И военные немного успокоились, видя наши старания. Про Чаромского даже не спрашивай! У него всё хорошо. Его моторы и на истребители И-5, и на новые бомбардировщики ТБ-3 ставить начали. Алексей Дмитриевич, кстати, и восьмицилиндровый авиадвигатель сделал уже почти! Но это штука пока уникальная, их всего шесть, на новый самолёт Калинина пойдут. Этот товарищ сначала хотел семь моторов М-34 в восемьсот пятьдесят сил, но Чаромский подсуетился и теперь гигант

на шести АЧ-130-8 летать будет, 1260 сил каждый. На полторы тысячи сил больше получается, а моторов на один меньше.

– Что сказать – молодцы! Но мне-то теперь что делать?

Лихачёв замялся, суетливо стал зачем-то перекладывать бумаги на столе, а потом ответил.

– Ты ведь отпуск, получается, не догулял? Выписка из госпиталя имеется? Вот зайдёшь с ней в отдел кадров управления и ещё недельку отпуском побудешь. Если ничего подходящего за это время для тебя не найдём, будешь числиться пока за штатом, а потом обязательно что-то придумаем. Не всё тебе толстосумом быть, поживёшь немного на среднюю зарплату. У нас ведь как? Кто не работает, тот не ест! Охраны тебе теперь, раз ты не работаешь, тоже больше не полагается. У меня охраны нет, а тебе вдруг подавай!

– Иван Алексеевич, мне семью кормить надо! Я зарплату в апреле последний раз получал, вместе с отпускными, а сейчас июль уже! Не могу я за штатом без дела сидеть!

– Всё, я сказал! Найдем тебе дело, позже. Ступай, без тебя завалили бумажонками.

Раздосадованный, я вышел от начальника главка и направился в отдел безопасности. Лихачёв, кстати, напомнил мне о чекистах, перед которыми надо было отчитаться за утерянный наган. Лица были сплошь незнакомые, но всё прошло без сучка без задоринки: на меня просто не обратили никакого внимания, и всё ограничилось написанием рапорта «утрачен в бою». По нынешним временам – дело житейское.

Эпизод 3

Крепко подумав, я решил искать работу самостоятельно. Дело шло уже не о каких-то изменениях истории, а об элементарном выживании, ибо на среднюю зарплату и карточки в голодный год, когда жратву можно купить только на рынке и втридорога, очень легко протянуть ноги. Полина меня в вопросе трудоустройства опередила, устроившись в открывшуюся в нашем посёлке, плавно переходящем в разряд городских районов, библиотеку. Видно, походы на поиски нужных мне книг не прошли даром, и у неё возник изрядный интерес к литературе. Место было как раз для неё – тихое и уединённое, ибо мой шуточный рассказ Лихачёву проник через него сначала на завод, а потом и в Нагатино, обрастая по пути немислимыми подробностями по принципу испорченного телефона, соседи стали ещё больше сторониться нашей семьи. Ещё бы! Жена – ведьма, муж – выходец с того света. Дошло до того, что ко мне тайно пришёл батюшка из Коломенского и, стесняясь и одновременно страшась, задал вопрос:

– Сын мой, я, конечно, Писание читал и злым языкам не верю. Но вдруг и впрямь конец света близок и мёртвые воскресать стали? Скажи, как на духу, был ли ты на том свете?

– На том не был, отче, – ответил я до предела серьёзно и тут же добавил после небольшой паузы: – а два других видал.

После такого поп, осеняя меня и себя крестным знаменем, не говоря ни слова, поспешно ретировался, что, понятное дело, не добавило мне любви односельчан. Успокаивало только одно – доносов в ОГПУ на эту тему можно не опасаться.

Петю младшего определили в ясли, чтобы с малолетства привыкал жить в коллективе. Надо сказать, что малыш там быстро освоился, и на него стали регулярно поступать жалобы воспитателей, окрестивших его «заводилой». Выслушивать их приходилось именно мне, так как я оказался, пусть и временно, «домохозяином». Такой жизни мне хватило ровно на неделю, за которую я сделал по хозяйству больше, чем за два прошедших года, когда до домашних хлопот не доходили руки. Конечно, не евроремонт, но наша усадьба, подправленная и подкрашенная, сразу приняла нарядный и ухоженный вид.

Едва только истёк срок моего отпуска, как я снова явился в кадры управления, где меня промурыжили полдня отговорками и в конце концов определили за штат. Оказался я не нужен

организации, которую сам же и породил. Ещё одним неприятным, но одновременно забавным моментом было то, что мне вручили хранящуюся в архиве отдела кадров управления справку о том, что я окончил первый курс АМИ-ЗИЛ. Вот такие колёнца выкидывает система групповой сдачи зачётов и экзаменов. Человек числится в покойниках, что не мешает ему учиться в институте. Сами же справки об окончании первого курса ВТУЗа появились потому, что АМИ-ЗИЛ закрыли. Преподаватели МАИ, которые вели занятия, ссылаясь на загруженность по основному месту работы, отказались приезжать по вечерам на ЗИЛ. Всем желающим продолжать обучение было рекомендовано делать это в центральном институте, куда я незамедлительно явился и тут же был зачислен без лишних вопросов.

На следующий день я твёрдо решил устроиться на работу. Сварщиком, слесарем, токарем, шофёром – безразлично. И намётки кое-какие у меня были. Можно было, конечно, вернуться на ЗИЛ, благо с его новым директором, бывшим начальником моторного цеха Рожковым, у меня были прекрасные отношения. Но так как транспортная ситуация в Нагатино не изменилась, а привилегии мои кончились, вновь вставала проблема, приведшая ранее к созданию дизеля. Задерживаться на работе я не мог, так как жена в библиотеке работала допоздна, чтобы трудящиеся могли вечерами её посещать, а сына из яслей забирать нужно.

Прикинув все обстоятельства, я направился в Дмитлаг, который в Нагатино разросся уже до нескольких улиц. Действующий пропуск на территорию, застроенную бараками, у меня всё ещё был. Строительство Перервинского гидроузла шло ударными темпами и то, что я увидел, в корне отличалось от ситуации годичной давности. Практически все земляные работы были механизированы, каналы и затоны рыли экскаваторами, бульдозерами и самосвалами, на каждом из которых стоял отечественный дизельмотор. Избыток производства ЗИЛа был использован наилучшим образом.

Особенно поразили меня своей необычностью именно бульдозеры, оказавшиеся побочной продукцией Ярославского завода. Массивные машины с тяжёлыми стальными колёсами были скомпонованы как известные мне по прошлой жизни харьковские «шасси» Т-16, с двигателем и трансмиссией – в роли которой выступал стандартный демультипликатор ЯГ-10 – расположенными между ведущими колёсами. Водительское место было вынесено чуть вперёд, а над передней осью на части машин был установлен небольшой кузов, но большинство обходилось голой рамой с трапецией механизма подъёма отвала. Рассмотреть конструкцию этих тракторов можно было во всех деталях, ибо на них напрочь отсутствовало капотирование, а кабина водителя представляла собой только пол с установленным на нём сиденьем и передней стенку без ветрового стекла.

Основная же людская масса суежилась на площадке судостроительного завода, который собирались ввести в строй уже в конце этого года, как писали в газетах, и который был моей основной целью. Рассуждал я просто: на ЗИЛе рабочие места уже заняты, к тому же голод – значит, надо ожидать наплыва работников из деревни. А новый завод – непаханое поле, устроиться туда гораздо проще, тем более ещё на этапе строительства. Мои рабочие специальности давали надежду начать работать немедленно, ибо сварщики наверняка крайне необходимы.

Выделив небольшую группу людей, собравшуюся у единственного большого стола, поставленного под навесом и заваленного бумагами, я направился к ней, здраво рассудив, что это и есть начальство.

– Здравствуйтесь, товарищи. Работники нужны?

– Ты как сюда попал? – первым делом удивлённо спросил у меня незнакомый чекист.

Пользуясь тем, что на меня обратили внимание, я изложил без запинки подготовленное заранее в лучших традициях двадцать первого века резюме, выставив себя исключительно в положительном свете.

– Товарищ Любимов? Конструктор? – переспросил меня невысокий плотный человек в косоворотке и надвинутой на самые брови кепке. – Александр Михайлович Белобородов,

директор завода. Это начальник строительства Захар Ефимович Мельников, куратор от органов товарищ Безверхий...

Директор перечислил ещё несколько фамилий присутствовавших, бывших прорабами участков, и я пожал всем по очереди руки.

– Товарищ Любимов, как видите, завод только строится, по сути, весь коллектив – это я. У меня даже заместителя нет, не говоря об отделе кадров. Могу предложить вам должность начальника механического цеха. Пойдёте?

Такого карьерного роста я, говоря откровенно, не ожидал, но отказываться не собирался.

– Когда приступить?

– А прямо сейчас приказ напишем, и товарищ Мельников проведёт вас на площадку строительства, сразу и дела примите.

– Отлично! Хорошо, когда работа идёт оперативно! Так точно завод к сроку в строй введём.

Белобородов поморщился и пробубнил:

– Вернее сказать – построим...

– А в чём проблема?

– Буржуи клятые палки в колёса вставляют. Закупленное оборудование завода, в первую очередь именно механического цеха, арестовали в связи с событиями на Кавказе. Неизвестно теперь, получим ли его вообще.

– Станков, значит, не будет? Голые цеха? А если я достану станки?

– Что, поедешь в Америку и украдёшь?

– Зачем? Знаю я одно место, где взять можно. Только не гарантирую, что это будет именно то, что нужно.

– Да нам бы хоть что! Если сделаешь – проси всё, что хочешь. Хоть ордена, хоть премии.

– Договорились!

Эпизод 4

– Петрович воскрес! Здорово! – приветствовал меня новый директор ЗИЛа Рожков. – Проходи, дорогой! С чем пожаловал?

– Здравствуй, Владимир Александрович! С просьбой я к тебе.

– Излагай.

– После реконструкции ЗИЛа, да ещё после снятия с конвейера АМО-2 у тебя в хозяйстве остались демонтированные станки, частью устаревшие, частью сломанные, а также не вписывающиеся в технологический процесс. Отдай их мне! Я сейчас назначен начальником механического цеха судостроительного завода, мне всё сгодится. Нам ведь не дизеля и автомобили выпускать, а только ремонтировать, да к тому же паровые машины по большей части.

– То есть как «отдай»? На каком основании?

– А пусть ЗИЛ шефство возьмёт над новым заводом. Вот тебе и основание!

– Ну и просьбы у тебя, Петрович! Сам посуди, зачем мне этот, как ты говоришь, геморрой? У меня что, своих трудностей нет? С меня требуют увеличения выпуска машин на десять процентов сверх плана! Завод и так работает на пределе, а любые попытки ещё работу ускорить только к росту процента брака приводят! Чекисты уже на вредительство в военное время намекают! Мне бы эти станки самому к делу пристроить, но не знаю как. Может, посоветуешь чего?

Я задумался, ища выход из создавшегося положения, так как мой расчёт на личную дружбу явно не оправдался.

– Посоветую. Если совет хорошим окажется, станки отдашь?

Рожков посмотрел на меня с сомнением, но интерес взял верх над осторожностью.

– Говори.

– Я тут недавно с Лихачёвым беседовал, так он хвалился, что вы мощность движка до ста сорока сил подняли. Верно?

– Верно. Мы ещё тракторный дефорсированный 110-сильный вариант выпускать начали, танковый мотор в сто шестьдесят сил делать можем, но «Большевик» его не берёт из-за того, что он трансмиссию ломает. Ты это к чему спросил?

– Что главное в грузовике? – зашёл я издалека.

– Что?

– Грузоподъёмность! Напряги Важинского, пусть перестанет ерундой с «кегрессом» заниматься, а увеличит грузоподъёмность ЗИЛ-5 до шести тонн. Мощность двигателя ведь выросла? Значит, потянет. Что там нужно удлинить и усилить, Евгению Ивановичу виднее. Расходы копеечные, количество грузовиков плановое, а грузоподъёмность выросла сразу на двадцать процентов. Как тебе совет?

– Ну, ты, Петрович, жук!

– Это ещё не всё. ЗИЛ-6 трёхосный вполне и до семи с половиной тонн грузоподъёмности вместо шести подтянуть можно. Они у вас все с демультипликаторами идут, тоже потянут. Это рост сразу на двадцать пять процентов.

– Согласен! Молодчина, выручил! Вот что значит светлая голова! Мы-то совсем тут закрутились, такого простого выхода не увидели!

– Это ещё не всё. Пусть Важинский скомпонует трёхоску-эрзац на агрегатах ЗИЛ-5, но грузоподъёмностью в семь с половиной тонн. А привод на третью ось передаст вот таким механизмом, – я взял лист бумаги и изобразил прижимной ролик, расклинивающий колёса задней тележки, – подключаемым в трудных условиях. Это рост грузоподъёмности сразу на пятьдесят процентов!

– Да тебя сам Бог послал!

– Послал меня товарищ Белобородов, директор судостроительного завода, за станками. И ты согласился их дать! Ещё когда я про двадцать пять процентов роста грузоподъёмности говорил. А за последний совет ты мне ещё все сломанные станки отремонтируешь на ЗИЛе.

– Ошибся я, черти тебя прислали! Недаром про тебя слухи нехорошие ходят. Странный ты человек, Семён. Даже по утрам, вместо того чтоб похмелиться, как все нормальные люди, мечом махаешь. Нет у меня в плане ремонта станков, и средств под это не выделяется! Чем я рабочим платить буду?

– Ничем. Субботники организуешь через парторганизацию.

– Вот уж дудки! Сам на партсобрании выступать будешь. Оно вечером сегодня, кстати.

На том мы и порешили. За заседание партактива я не беспокоился, позиция моя была железной. Мужики, конечно, помялись – вроде и соглашаться не хочется, но и отказаться нельзя – и проголосовали в конце концов за.

Похожую операцию я провернул на московском авиамоторном заводе, действуя через Чаромского и Брилинга. Там мне ничего изобретать и придумывать не пришлось, товарищи чувствовали себя передо мной чем-то виноватыми, мне удалось удачно сыграть на этом. Но Белобородов, хоть и впечатлённый моими успехами на ниве поиска и выбивания производственного оборудования, хотел большего. Пришлось мне признаться, что мои ресурсы на этом направлении исчерпаны.

– Александр Михайлович, я и так уже сделал всё, что мог! Конечно, на других действующих заводах тоже может кое-что найтись, но это уж вам надо суетиться через наркомат или через московский горком.

– Хорошо. И на том, как говорится, спасибо. Пойду на поклон к наркому.

На протяжении следующих двух месяцев на площадку строительства завода в Нагатино свозились самые разнообразные станки, и я был по уши занят их инвентаризацией и планированием размещения в цеху. Ситуация усугублялась тем, что часть старых станков имела ремен-

ный привод, и им требовалась отдельная силовая установка с валом, которая резко сужала возможные места расположения рабочих мест. Помог опять Рожков, выделив тракторный дизель и изготовив в опытном цеху ЗИЛа передачу.

Судостроительный рос не по дням, а по часам. Я, не прилагая особых усилий, сманил туда бригаду сварщиков с ЗИЛа, которым осточертело варить колёса, соблазнив масштабом и сложностью работ. Действительно, сварные на прежнем месте работы давно изготовили простейшую приспособу, равномерно вращавшую колесо в сборе и также равномерно подававшую электрод. Фактически вся их работа сводилась к замене последних, и с ней мог справиться любой. А на судостроительном только ферменная конструкция крыши чего стоила! Милов, расчувствовавшийся от воспоминаний о нашей с ним совместной работе по реконструкции автозавода, загорелся сразу.

К началу зимы 1932 года все цеха и прочие здания МССЗ были построены, и работы продолжались только внутри. Прокладывались коммуникации, электро- и пневмосеть, проводилась окончательная отделка. По всему было видно, что к первому января завод будет пущен. Но строительство гидроузла в целом шло немного медленнее, из-за чего выходило, что суда на заводской ремонт пока поступать не смогут – затон был слишком мелок. Такая несурезица явилась, как оказалось, следствием многократной корректировки планов в связи с событиями на Кавказе. Война в этом регионе тяжело отразилась на индустриализации, ресурсы пришлось перенаправлять на изготовление оружия и боеприпасов. Одновременно стала сказываться технологическая блокада из-за рубежа. Строительство многих заводов было временно заморожено, но одновременно было необходимо продемонстрировать буржуям, что нам всё нипочём. Поэтому в крупных городах и на всесоюзных стройках темпы, наоборот, взвинтили. Тот же МССЗ должны были ввести в строй только через три года, фактически же период строительства занял только восемь месяцев.

Мой механический цех, наряду с литейкой, лидировали в темпах ввода в строй, и я, переговорив с Белобородовым, главным инженером завода Лобовым и начальником литейки Смирновым, предложил дать продукцию уже первого декабря. Головным изделием должен был стать простейший дизельмолот моей собственной конструкции. Решение было чисто пропагандистским, дающим возможность отчитаться о пуске завода на месяц раньше. Поддержал его и московский горком из тех же самых соображений.

Эпизод 5

Пока я крутился на МССЗ, события в стране шли своим чередом, и узнавал я о них из привычных источников, то есть из газет, к которым в последнее время добавилось всесоюзное радио. Тарелку домой притащила жена ещё в октябре, и первое, что я оттуда услышал, было: «От Советского Информбюро...» – сказанное голосом Левитана! Я от этих слов даже прослезился, а тарелка продолжала вещать.

– В ходе тяжёлых и кровопролитных боёв войсками Кавказского фронта под руководством маршала Будённого взяты штурмом и освобождены города Цхинвал, Гори и столица Советской Грузии, город Тифлис!

Это было по-настоящему хорошее сообщение, ведь первая, августовская, попытка подавления мятежа провалилась с треском и потерями. После смены командования, когда вместо Тухачевского дело поручили Будённому, и должной подготовки, наконец пришёл успех. При этом РККА делала основную ставку именно на технически продвинутые виды рода войск – авиацию, мотопехоту и танки. В сводках то и дело упоминались N-ские танковые, мотострелковые и бронепатальоны, и даже бригады.

Противником Красной Армии были только белые, так как они уже к началу августа почти полностью «обнулили» национал-коммунистов. Война вошла в привычное советской пропаганде русло «красные против белых».

Октябрьское наступление для РККА было последним шансом, затягивать до тех пор, когда перевалы закроются, было нельзя. К счастью, оно полностью удалось, несмотря на ожесточённое сопротивление войск эмигрантского правительства, снабжаемых и вооружаемых из-за рубежа. Впрочем, МСЧМ изрядно сузили линию снабжения через Батум, попросту забросав его окрестности большим количеством мин.

Как бы то ни было, но двадцать пятого ноября последний отряд белых вышибли за турецкую границу.

Внутри СССР, жившего с мая месяца на военном положении, за этот период была проведена генеральная чистка партии от пособников контрреволюции, но громких процессов не последовало. Арестованных попросту осуждал военный трибунал по упрощённой процедуре. Все скрытые враги, которым удалось проскочить сквозь частую гребёнку ОГПУ, которое после внезапной смерти Менжинского возглавил Ягода, залегли на дно и не смели пошевелиться, опасаясь привлечь к себе внимание. Плохо было то, что под раздачу, после вышедших драконовских постановлений политбюро, суливших кары за любой самый незначительный проступок, попала масса народа, осуждённого на всю катушку.

Сталин в декабре, или следствие вели...

Эпизод 1

День первого декабря выдался на редкость погожим и солнечным. Прошедший накануне снегопад присыпал всё свежим пушистым снежком, который искрился в лучах невысокого зимнего солнышка. Лёгкий морозец пощипывал носы и уши, но этого никто не замечал, все были радостно возбуждены предстоящим событием и, собравшись на территории МССЗ, бросали взгляды на прикрытую красным полотнищем конструкцию, возвышавшуюся прямо перед трибуной.

Догадки были самые разные, лишь немногие, непосредственно готовившие «представление» знали, что там скрывается самый обычный копёр с первым дизельмолотом, установленным на сваю, которую он и должен был показательно вбить.

Я, стоя на трибуне вместе с руководством завода и другими начальниками цехов, волновался гораздо больше других, и с каждой минутой моё волнение усиливалось. Причиной был отнюдь не мандраж перед прибытием высокого начальства, которое по неизвестным причинам задерживалось, а боязнь того, что дизтопливо, пусть и зимнее, которое я к тому же самолично разбавил керосином, замёрзнет, и вместо представления получится конфуз. Накануне мы всё проверили в работе, но эффект первой демонстрации никто не отменял.

Время шло, люди уже начали в нетерпении выкрикивать: «Начинайте без них, нечего ждать!» Из толпы в сторону трибуны уже вовсю летели незлобивые подначки, когда сквозь открытые ворота на просторный заводской двор, сейчас полностью заполненный людьми, въехали семь абсолютно одинаковых чёрных машин, имевших характерный для двадцатых годов внешний вид. Первый и последний лимузины оказались буквально забиты огэпэушниками. Мне даже сложно было представить, как там внутри могло поместиться столько здоровых мужиков. Охрана действовала слаженно и споро, взяв под контроль въезд на территорию и пространство вокруг трибуны.

Остальные пять машин двигались нарочито медленно, давая возможность охране занять свои позиции. В эпицентре внимания сразу оказалась вторая машина, из которой, даже до окончательной остановки, первым, не дожидаясь выскочившего с другой стороны из перед-

ней двери телохранителя, вышел Сам. Его появление не было запланировано заранее, самой важной птицей на митинге должен был стать нарком тяжёлой промышленности. «Сюрприз», если он и планировался заранее тайно, был рассчитан безукоризненно.

Задние ряды собравшихся, которые не могли видеть происходящее за спинами, казалось, узнали новость ничуть не позже их. Толпу будто пронзило электрическим током, и она дёрнулась, чуть подавшись вперёд. Каждому хотелось лицезреть вождя лично и вблизи. Центром этого движения, будто магнит притягивающий металлические опилки, был именно Сталин несмотря на то, что ехавшие с ним в одной машине Орджоникидзе и Киров тоже были фигурами. И уж совсем должно было быть обидно более мелким чиновникам – представителям Совнаркома, Московского горкома и наркомата тяжёлой промышленности, приезд которых так и остался всего лишь фоном главного события.

Иосиф Виссарионович помахал рабочим рукой, как бы приветствуя всех сразу, и вымученно улыбнулся. Вообще он показался мне каким-то больным, что ли. Ссутулившийся и ещё более бледный, чем обычно, он двигался будто автомат, выполняя заранее заложенную программу, или как больной лунатизмом человек, во сне. Его лицо было абсолютно спокойно, пока он поднимался по ступеням временной деревянной лестницы наверх, к замершему в ожидании руководству завода.

– Здравствуйтесь, товарищи, – обратился вождь невыразительным голосом, но очень правильно, без акцента, сразу ко всем. Послышались нестройные ответы, но тут тусклый взгляд вождя остановился на мне и враз переменялся. Не узнать меня было невозможно, ожоговые пятна уже полностью сошли, отросли усы, и я принял практически тот же облик, что и год назад, не считая чуть заметных шрамов. Жёлтые зрачки зло блеснули.

– Здравствуйтесь, товарищ Любимов! – гораздо громче, отрывисто и резко, буквально выпалил вождь и что-то коротко добавил по-грузински.

– Здравствуйтесь, товарищ Сталин!

То, что Иосиф Виссарионович обратился ко мне особо, сразу выделило меня из общей массы, в которой произошли едва заметные, но говорящие о многом движения. Некоторые невольно отшатнулись, другие наоборот, постарались придвинуться поближе. Характерно, что среди последних были именно те, кто имел повод гордиться проделанной работой, в том числе Белобородов, Лобов и Смирнов. Шедший следом за вождём Киров тоже выделил меня, но по своему, заговорщицки подмигнув и улыбнувшись во все тридцать два зуба.

Митинг шёл своим чередом, сваяю, согласно сценарию, забили, а я молился по себя, чтобы очередь выступать до меня не дошла, благо начали с самых «тяжеловесных» товарищей. Прибытие вождя и то, как он на меня отреагировал, полностью заняло мои мысли, выбив из головы подготовленную специально речь. В лучшем случае сейчас я мог что-либо сказать только в стиле Чебурашки. Добавляло адреналина и то, что Иосиф Виссарионович, вопреки всем канонам, после своего выступления отошёл на край трибуны и занял место рядом со мной. С другой стороны от меня, сказав своё слово, встал товарищ Киров, и я оказался зажат между виднейшими деятелями СССР. Зная о том, что значило распределение мест на официальных выступлениях, я представил себе теории будущих историков и «кремленологов», пытающихся разгадать подобный казус, рассматривая газетные фотографии.

– Ви как здэсь оказались, товарищ Любимов? – незаметно шепнул мне Сталин, когда уже прошла очередь представителей Московского горкома и выступал Белоногов.

– Работаю, товарищ Сталин. Начальником механического цеха.

– Как это получилось?

– Долгая история...

– Вот завтра ви мнэ её и расскажэтэ. В Крэмле. В восемнадцать часов вам будет удобно?

– Нет, товарищ Сталин.

Всё это время мы переговаривались шёпотом, даже не глядя друг на друга, но последние мои слова невольно заставили Сталина повернуться.

– Почему?

– Мне сына из яслей забирать в это время, а то жена работает допоздна.

Не успел я окончить фразу, как получил болезненный тычок локтем от Кирова, который делал вид, что не слышит разговора, но внимательно за ним следил.

– Когда же вы освободитесь?

– Я в вашем распоряжении, но в течение рабочего дня.

– В течение рабочего дня у меня другие дела уже запланированы. В 21.00 ваша супруга уже сможет присмотреть за ребёнком?

– Да, товарищ Сталин.

– Жду вас к этому времени.

– Боюсь, товарищ Сталин, мне будет сложно возвратиться домой...

– Разве вы не располагаете персональным транспортом?

– Нет, товарищ Сталин. Уже не располагаю.

– Хорошо. Я пришлю за вами машину.

Когда официальные выступления закончились, а высокое начальство выразило желание осмотреть цеха, Киров, уловив момент, выговорил мне.

– Ты что! У человека такое горе случилось, а ты на большое давишь!

– Да что я сказал-то такого?

– Ты в каком мире живёшь? Я про газеты и не говорю даже! Хоть слухи собирал бы, что ли!

– Ох, ё!.. – я наконец сообразил, что главным событием ноября, которое все обсуждали и так и сяк, была смерть Надежды Аллилуевой, второй жены Сталина.

– То-то! – только и ответил мне Киров.

Мой «передовой» механический цех в очереди на осмотр оказался последним, видно, директор завода, бывший главным экскурсоводом, решил подстраховаться и гарантированно оставить о себе под конец исключительно благоприятное впечатление. Однако всё чуть не пошло прахом с самого начала, так как Сталин, войдя через ворота в моё «хозяйство», с ходу упёрся взглядом именно в станки времён царя Гороха.

– Это что? Как это понимать?! Для завода, по решению совнаркома, было закуплено самое передовое оборудование! А это что за свалка?!

Иосиф Виссарионович, по моему мнению, был несправедлив, цех выглядел исключительно аккуратно. Белоногов, совершенно не ожидавший такого оборота, растерялся, и ему на выручку поспешил нарком Орджоникидзе.

– Товарищ Сталин, закупленные станки, к сожалению, до нас не дошли из-за технологической блокады. Товарищ Белоногов по своей инициативе укомплектовал цех тем, что было под рукой, – Григорий Константинович грамотно подстраховался, его слова можно было трактовать двояко, но тем не менее он дал время Белоногову сориентироваться, хоть и перевёл на него стрелки. Александр Михайлович же не нашёл ничего лучшего, чем перенаправить внимание ещё ниже, кивнув на меня.

– Это инициатива начальника моторного цеха, товарища Любимова.

Ход оказался верным, так как настроение вождя переменилось. Сердитое выражение лица стало заинтересованным.

– И чем же объяснит товарищ Любимов свою инициативу?

– Не согласен с оценкой цеха как свалки, это несправедливо и некорректно, – уже начало моего выступления ещё больше заинтриговало всех присутствующих. Ещё бы, выговорить Самому! – На данный момент цех может проводить ремонт машин и механизмов любых судов, которыми располагает речфлот, как это и было предусмотрено по первоначальному проекту.

Кое-что мы и самостоятельно можем изготовить, как вы сегодня видели. Ожидание арестованных где-то за бугром станков однозначно привело бы к срыву сроков строительства МССЗ, поэтому я был вынужден просить знакомых мне руководителей предприятий поделиться устаревшим и неиспользуемым оборудованием. Причём морально устаревшие станки составляют только около половины всего парка, остальные – новейшие, но выпавшие из технологического процесса. Нам же подойдут любые, так как работы мы будем производить самые разнообразные.

– Интересно выходит, товарищ Орджоникидзе, – повернулся Сталин к наркому. – У вас в хозяйстве что, завалились без дела станки, которыми можно укомплектовать целые заводы?

– Товарищ Сталин, это действительно моё упущение, – ответил Григорий Константинович, зло на меня зыркнув, – но после того как товарищ Белоногов обратился в наркомат с просьбой о помощи неиспользуемым на других заводах парком станков и вскрылось наличие таких станков, нами была организована работа по этому направлению. В настоящее время ведётся инвентаризация и учёт, от их результатов будет зависеть, куда будет направлен резерв.

– Это хорошо, товарищ Орджоникидзе, что вы самостоятельно оперативно устраняете допущенные ошибки. Держите меня, пожалуйста, в курсе по этому вопросу.

На этом, собственно, всё и закончилось. Правда, кто-то пустил слух, что ещё будет награждение по итогам строительства, но видимо, решили обойтись без этого.

Эпизод 2

Уже в восемь вечера я, переживая, так как жена задерживалась, сидел в своём лучшем костюме, который надевал всего один раз, когда ходил в гости к «дядюшке». Орден Ленина нацепил ещё вдобавок. В общем – при параде и в секундной готовности. На дворе послышался скрип снега под лёгкими шагами, хлопнула дверь, и в избу вошла Полина.

– Ты куда это собрался? И без меня?

– Меня вызывает товарищ Сталин. Дай мне, пожалуйста, вот это, – я указал пальцем на интересующий меня предмет, который не мог взять без ведома жены, но заранее достал и положил на видное место, – хочу ему подарить.

– Ты с ума сошёл!

– Если жалко, то так и скажи.

– Да бери на здоровье! Только посадят тебя за такие выходки!

– Или не посадят, если мне повезёт и я прав в своих догадках. А человек я везучий. Хотя бы потому, что мне досталась такая замечательная жена, как ты!

Лесть почти всегда действует на женщин самым благоприятным образом, и Полина, заботливо завернув маленькую вещицу, протянула её мне.

– Держи. Когда тебя ждать обратно? Ты хоть ужинал?

– Петю покормил, а самому кусок в горло не лезет, волнуюсь. Когда вернусь, не знаю. Поздно, наверно. Ложитесь уж без меня.

Как раз в этот момент с улицы раздался гудок автомобильного клаксона, и я, накинув пальто и поцеловав жену, выскочил на улицу. Водитель, посигналив ещё на подъезде, разворачивал между заборами точно такой же чёрный автомобиль, какие я видел утром на митинге. Я, даже в прошлой жизни, всегда любил ездить либо за рулём, либо на заднем сиденье, но эта машина меня заинтересовала, так как именно она, скорее всего, была выбрана как основной представительский транспорт, поэтому я залез на переднее сиденье, рассчитывая поболтать в дороге с водителем. Поздоровавшись, я осторожно начал прощупывать интересующую меня тему.

– Хорошая машина, – выдал я аванс для затравки, хотя никаких впечатлений ещё не было.

– Линкольн КБ всё же лучше, – поддержал разговор водила.

– А это какая фирма?

– Фирма! – усмешка была явно снисходительной, насколько я мог судить в темноте. – Это Л-1!

– Первый раз слышу...

– Ленинград-1, завода «Красный Путиловец». Прислали в Кремль семь штук ещё в сентябре, теперь на все официальные мероприятия даже Сам только на них ездит. В целях агитации!

– Интересно, а на неофициальные мероприятия товарищ Сталин на чём ездит?

– Конечно, на «Линкольне»!

– А почему?

– Да этот «Ленинград» – сушая корова! Хотя и первый советский лимузин. То ли дело – «Линкольн»! – последние слова водила произнёс, можно сказать, мечтательно.

– А не боишься вот так мне всё выкладывать? Ты же, выходит, дискредитируешь советскую промышленность!

– А ты бдительный нашёлся? Так товарищ Сталин то же самое говорит! Что, на него тоже донесёшь? Правильных развелось – плюнуть негде! – сердито подвёл итог водитель и замолчал, всем видом давая понять, что разговор продолжать не желает. Но и на том, как говорится, спасибо. Выходит, всё-таки попытались наши представительскую машину сделать по моему совету, да не совсем ладно вышло. Действительно, «Ленинград» еле тащился по московским заснеженным улицам, разогнать его на коротком отрезке было непростой задачей, остановить же – ещё сложнее. А товарищ Сталин, выходит, любитель быстрой езды. Сделаем пометочку на память.

Так, молча, мы проехали центр города и направились на запад по Можайскому шоссе. Беспокоиться я начал, когда мы миновали Кунцево, где, как я думал, располагалась сталинская дача. Конечно, пейзажи тридцать второго года не имели ничего общего с привычными мне по двадцать первому веку, вместо многоэтажек вокруг расстилались поля, перемежавшиеся небольшими рощами и деревеньками, которые я замечал по свету, ещё горевшему во многих окошках, остальное же скрывала наступившая ночь. Но рельеф-то не мог так радикально измениться! Я уже понял, что уехали мы достаточно далеко, да и спидометр, на который я искоса поглядывал, свидетельствовал о том же.

– А куда это мы едем? – задал я наиболее важный вопрос, внутренне уже опасаясь, что семью больше не увижу.

– В Зубалово, конечно. Товарищ Сталин там теперь живёт. После того как случилось.

– Далеко ещё?

– Сейчас в Одинцово повернём, а там ещё минут пятнадцать. Если дорогу не занесло, конечно, – спокойно и как-то даже меланхолично ответил шофёр. – А если занесло, то лошадь и сани из колхоза тебе дадут. Доедешь.

– И что, товарищ Сталин тоже вот так, в санях ездит?

– А что тут такого? Вездеходов ещё не придумали.

– Ничего себе! Слушай, товарищ, поднажми, а? Мне к девяти там надо быть.

– Не бойсь, успеем! Всё рассчитано.

Действительно, без пяти минут мы, миновав пост на внешних воротах, подъехали прямо к крыльцу двухэтажного дома с островерхой крышей, очертания которой лишь слегка были сглажены лежащим на ней снегом. Дом показался мне каким-то мрачным, может, я невольно воспринимал его так из-за волнения, но скорее всего, просто виновата ночная тьма, в которой, как известно, все кошки серы.

Эпизод 3

Охранник проводил меня на второй этаж, где находился рабочий кабинет вождя. Дача, из-за позднего времени, была погружена в тишину, мы шли, переговариваясь вполголоса, чуть ли не шёпотом, и старались ступать как можно тише. У меня даже возникли непроизвольные ассоциации с подкрадыванием к логову хищного и смертельно опасного зверя, что опять-таки было интерпретацией моих личных страхов, вбитых пропагандой двадцать первого века, но мало соответствующих тому жизненному опыту, который я приобрёл уже здесь.

Чекист тихо постучал в дверь и, заглянув, получил короткий ответ, после чего пропустил меня вперёд. Сталин, сидя на небольшом диванчике, читал. Я вошёл и, не зная с чего начать, застыл в дверях. Больше всего меня смутил вид вождя, который был одет по-домашнему. Поверх салатовой рубашки навыпуск была наброшена, как бурка, светлая овчинная безрукавка мехом внутрь, дополняли картину чёрные нарукавники по локоть и шерстяные носки до середины голени, в которые были заправлены брюки. На ногах красовались мягкие войлочные туфли, бывшие, по сути, обрезками обычных валенок, только аккуратно подшитые, чтобы не обтрепались по краям. Всё это резко контрастировало с моим парадным видом, и я почувствовал себя неловко.

– Вы, товарищ Любимов, прям как настоящий джентельмен, – ехидно улыбнувшись, подколол меня Иосиф Виссарионович, сощуриив свои жёлтые глаза, – если бы не орден, так и в Палату лордов войти не зазорно.

Мои уши стали предательски гореть, выдавая чувства с головой.

– А я, кажется, оплошал, – продолжил издеваться Сталин, демонстративно оглядывая себя, – но это ведь не мешает нам работать?

– Не мешает, товарищ Сталин! – выпалил я не раздумывая, пользуясь возможностью сказать хоть что-то вразумительное, и тут же сообразил, что как бы согласился с хозяином относительно его внешнего вида. Вот чёрт! Надо отдать Иосифу Виссарионовичу должное, вести разговор – захватить в самом начале инициативу и поставить собеседника в неудобное положение – он умеет на пять!

– Проходите, присаживайтесь, – заложив книгу синим карандашом, снисходительно, но одновременно уважительно пригласил меня к столу вождь, не сумев или не захотев скрыть довольный вид кота, объевшегося сметаны. Такое сравнение всплыло само собой, потому что я чувствовал себя мышью-игрушкой, попавшей к нему в лапы. Ситуация меня не устраивала совершенно, надо было отыгрываться, чтобы разговор шёл, как я хотел – на равных.

– Товарищ Сталин, позвольте выразить вам свои искренние соболезнования, – использовал я домашнюю заготовку, подходя к столу, – и преподнести скромный подарок.

– Это что, провокация? – взял Иосиф Виссарионович выложенную мною на стол вещь в руки.

– Это всего лишь символ, товарищ Сталин. Просто вера, просто надежда и просто любовь. Всё то, что не даёт нам отчаиваться.

– Спасибо, – тихо, не глядя на меня, ответил вождь и спрятал маленькую нагрудную иконку в верхний ящик стола. У меня с плеч обрушился целый Эверест. Риск был за всякими пределами разумного, если бы всё произошло иначе, то отношения с лидером СССР были бы испорчены катастрофически. Для всех. И со всеми вытекающими последствиями. Но теперь я мог, согласно поговорке, упиться шампанским.

Маленькие общие секреты, в отличие от больших тайн, способных сделать людей непримиримыми врагами, сближают. Именно такого эффекта я и добивался, а счёт в нашем разговоре стал один – один.

– Вернёмся к делу. Как вы объясните, что вместо того чтобы заниматься порученным вам советским правительством делом, а именно – крайне необходимыми Красной Армии пушечными полноприводными броневыми автомобилями и столь же необходимыми правительственными бронемашинами, вы подвизаетесь на должности начальника механического цеха МССЗ?

К этому вопросу я был готов, его мне ещё на митинге коротко озвучили, поэтому ответ, можно сказать, в агрессивной форме, был заготовлен заранее.

– Видимо, советский госаппарат весьма напоминает нервную систему динозавра. Хвост уже сожрали, а голова об этом ещё ничего не знает!

– Выразайтесь точнее, по существу вопроса, – раздражаясь, бросил Сталин.

– Передо мной никто задач, озвученных вами, не ставил. А сейчас я и возможности не имею такой работой заниматься.

– Ви хотите сказать, что товарищ Лихачёв умышленно саботирует решения советского правительства?

– Подозреваю, что он сам не в курсе этих решений. А товарищ Берия, предвосхищая ваш вопрос, до сих пор, видимо, считает меня покойником. Ведь наша встреча и для вас была сюрпризом?

Сталин ничего не ответил. Встал и прошёлся по кабинету, заходя мне за спину, после чего сел обратно за стол и сказал:

– Расскажите мне подробно всё с самого начала, со дня, когда вы отправились в отпуск.

Я постарался кратко, но информативно передать историю своих приключений. Сталин слушал очень внимательно, и первая же попытка опустить незначительную, по моему мнению, подробность провалилась. Я просто сказал, что находился на лечении в Севастопольском морском госпитале с такого-то по такое-то, на что сразу последовал уточняющий вопрос:

– Вы беседовали с кем-нибудь из моряков на тему торпедных катеров?

Иосиф Виссарионович отлистнул пару страниц в своей записной книжке.

– Да, я разговаривал с начальником МСЧМ товарищем Кожановым.

– И он, зная о том, что вы живы, никому об этом не сообщил?

– Почему? Как только выяснили мою личность, товарищ Кожанов сам навестил меня и отправил телеграмму моей жене в Нагатино. Она сразу ко мне приехала.

– Так. Нам известны ваши разногласия с товарищем Туполевым по вопросу катеров. Знает, товарищ Кожанов вас поддержал?

– Не совсем так. Товарищ Кожанов имеет точно такое же мнение, как и я.

– Выходит, Туполев ведёт умышленную вредительскую деятельность?

– Нет, товарищ Туполев всего лишь выполняет поставленную перед ним задачу. Не его вина, что реально катера применяются совершенно иным образом.

– То есть применяются неправильно?

– Нет, предполагалось их неправильное применение, а для реальных боевых действий туполевские катера оказались совершенно непригодными.

– Значит, виноваты моряки?

– Именно, но только в том, что не могут предвидеть будущее и изменения в формах войны на море из-за недостатка чисто технических знаний.

– А вы, стало быть, это всё можете предвидеть? Интересно... Расскажите, пожалуйста, – иронично и чуть снисходительно попросил Сталин.

– Вас интересуют только катера или вопрос в целом?

Ирония вождя исчезла без следа.

– В целом.

– Если коротко, то самым разрушительным морским оружием является торпеда. Уже достигнутый мировой технический уровень позволяет создавать торпеды стандартного калибра с кислородным двигателем или двигателем на унитарном топливе, например, перекиси водорода, с дальностью хода до двадцати километров при высокой скорости. С увеличением калибра до шестисот – семисот миллиметров дальность может возрасти до пятидесяти километров. Но торпедой сложно попасть. Современная техника может дать удовлетворительный ответ и на этот вопрос, создав акустические системы самонаведения торпед. Обо всех

этих обстоятельствах я сообщил заинтересованным лицам в присутствии товарища Кирова во время посещения ленинградского завода.

– Подождите, – Сталин опять заглянул в записную книжку, – специалисты из Остехбюро выдали на эту вашу теорию отрицательное заключение. В части, касающейся систем самонаведения. Как главный недостаток указано то, что с каждой торпедой, которая ещё может и не попасть в цель, безвозвратно теряется дорогостоящая аппаратура. Они настаивают на разработке систем радиуправления.

– Да глупости всё это! Неужели им не понятно, что радиостанции не только в СССР есть? Поставить помехи по радиоканалу или даже перехватить управление – и всё! Все эти игрушки превращаются в груды дорогостоящего, но бесполезного хлама.

– Продолжайте.

– Мы остановились на том, что торпеды уже сейчас могут иметь дальность до пятидесяти километров, что полностью обеспечивает, в частности, решение задач, которые ставились перед катерами Туполева изначально. В общем случае это означает, что торпедное оружие сравнялось в дальности действия с тяжёлой корабельной артиллерией, ведь наблюдение с дальномерного поста самого крупного линкора возможно только на дальность около тридцати пяти километров, а точность, при условии торпедного самонаведения и залповой стрельбы, думаю, получится близкой. При этом носители торпед – это гораздо более лёгкие, быстроходные и дешёвые корабли, чем линкоры. А главная их задача – доставить торпеды в точку залпа, которая может быть где угодно, и в любую погоду, что катера Туполева совершенно не могут обеспечить. Ещё более показательным будет сравнить тяжёлые артиллерийские корабли и авиацию, которая может наносить удары на дальность несколько сот километров.

– И обратный пример ведущих буржуазных стран, продолжающих эксплуатировать и строить тяжёлые артиллерийские корабли, вас не убеждает?

– Если враги советской власти совершают ошибки, не надо им мешать. А тем более повторять их ошибки. Самым крупным артиллерийским кораблём, и то при условии, что мы будем строить океанский флот, должен быть лёгкий крейсер.

– Поясните.

– С развитием авиации на смену линкорам с большими пушками придут авианосцы с ударными самолётами, имеющими гораздо больший радиус действия, позволяющий нанести поражение флоту линкоров ещё на подходе. Вот им то в охранение и потребуются корабли с мощным универсальным артиллерийским вооружением, обеспечивающим поражение как самолётов, так и носителей торпедного оружия. Этим условиям отвечает калибр в шесть дюймов, то есть вооружение лёгкого крейсера. Если же мы ограничимся прибрежным флотом, действующим под «зонтиком» береговых аэродромов, достаточно ограничиться атакующей составляющей, то есть носителями торпедного оружия, эсминцами и катерами. А ресурсы, высвободившиеся от постройки крейсеров и авианосцев, потратить на тральщики, охотники за подлодками и десантные суда.

– Советский Союз планирует построить во второй пятилетке серию лёгких крейсеров. Но не планирует строить авианосцы. Вы считаете всё это лишним и даже вредным, разбазариванием народных денег?

– Зачем так категорично – либо чёрное, либо белое? В любом случае рано или поздно мы выйдем в океан, и крейсера понадобятся. А хорошими их очень трудно строить с нуля, не имея никакого опыта. Поэтому загрузка судостроительных заводов этими заказами оправдана хотя бы с такой точки зрения. Всё это в ещё большей мере касается и авианосцев.

– Значит, нам следует ещё и авианосцы строить? А как же рассуждения о направлении средств на тральщики и прочее?

– На первом этапе достаточно переоборудовать какой-нибудь сухогруз. Пусть лётчики и моряки его поэксплуатируют. Это поможет понять, какие требования выдвигать к авианосцам. И только после этого разумно перейти к постройке боевых кораблей.

– Продолжайте.

– Да, собственно, всё. Я ведь не моряк, чтобы вникнуть во все тонкости. Единственное, на что хочу обратить особое внимание – вся морская артиллерия должна быть универсальной.

Сталин досадливо поморщился и пояснил:

– Я имел в виду, продолжайте рассказ о себе.

Я немного смутился, но собравшись, стал излагать по порядку. Когда подошла очередь разговора с Лихачёвым, Иосиф Виссарионович снова остановил меня вопросом:

– А почему вы не стали настаивать, чтобы вам вернули КБ? Разве не обидно, что всё таким образом было решено?

– Я стараюсь не принимать скоропалительных решений. По зрелом размышлении я пришёл к выводу, что товарищ Лихачёв полностью прав. План работ по совершенствованию конструкции двигателя был составлен ещё при моем присутствии, его этапы ясны и понятны, дело только за воплощением, а это очень кропотливая работа. По сути, когда был отработан единичный блок, у нас осталось мало возможностей идти путём увеличения рабочего объёма цилиндра, только 160-й мотор, и всё. Значит, дело за увеличением их количества. Пути совершенствования топливной аппаратуры также ясны. Далее остаётся только переход на турбокомпрессоры или комбинированный наддув. Всем этим коллектив объединённого КБ с успехом занимается и без меня, а моё возвращение неизбежно задержало бы работы по чисто организационным причинам. Таким образом, мои интересы здесь идут вразрез с интересами дела, поэтому первыми необходимо поступиться.

Сталин посмотрел на меня очень внимательно, я бы даже сказал – изучающе; кивнул, соглашаясь, и пригласил рассказывать дальше. Когда я дошёл до проблемы станков, он буквально вцепился в меня и стал выпытывать все подробности. Пришлось рассказать о разговоре с Рожковым.

– Лучше бы вы придумали, как пятитонных грузовиков побольше выпускать, – попенял мне руководитель партии. – Рожков не успокоился на шести и семи с половиной тоннах, а стал ещё и прицепы к ним делать в два раза больше плана. Пришлось наградить, а стране нужны именно грузовики, и в больших количествах. Война серьёзно сорвала планы обеспечения хозяйства автомобилями, которые пришлось направить в армию. Увеличение грузоподъёмности решает проблему лишь отчасти.

– Всё равно это лучше, чем ничего. Альтернативой было бы только увеличение процента брака, со всеми вытекающими, что народному хозяйству никак бы не помогло. Несомненно, есть резервы совершенствования технологии, которые позволят делать больше машин. Но не за месяц и даже не за полгода. Необходимо нарабатывать производственный опыт.

Дальнейшее моё повествование о работе на МССЗ не вызвало особых вопросов, Иосиф Виссарионович только уточнил, имел ли я отношение к конструированию молота и полностью ли его можно делать на судоремонтном. Пришлось ответить как есть, признавшись, что форсунки и плунжерные пары мы берём из ЗИЛовской отбраковки, негодные для автомобильных моторов. А вот дальше наш разговор принял совсем неожиданный поворот.

Эпизод 4

– Товарищ Любимов, ваша верность делу коммунистической партии, в свете последних событий, не вызывает сомнений. Но всё вами сказанное только что, а тем более сделанное, никак не соответствует уровню крестьянского сына-самоучки. Может, хоть мне расскажете начистоту, откуда набрались премудрости?

– Я уже имел беседу на эту тему с товарищем Берией...

– Мне доложили.

– Вот как? – да, Лаврентий Павлович, удивил, я то думал, будешь молчать, как рыба об лёд. – Придумывать ничего не хочу и не буду. Мой отец из крестьян. Как я очутился под Вологдой, точнее, под Череповцом, я не имею ни малейшего представления и сам хотел бы знать не меньше вашего. Просто очнулся в лесу. Что было при мне лишнего – продал, не задумываясь, так как не было денег. Откуда у меня эти предметы – не имею понятия. А голова моя от отца с матерью, больше ей неоткуда взяться. И всё, что в ней крутится – производное от любознательности и воображения.

Говорил я раздражённо, не забывая врать только правду. Ну сколько уже можно? Достали! Им хоть ядерный реактор подари, всё равно спрашивать будут.

– Выходит, провалами в памяти страдаете?

– Выходит, так. Одно могу сказать точно – ни в Гражданской войне, ни вообще в какой-либо общественной жизни этого мира я, до того как объявился в Володе, не участвовал.

– Не горячитесь. Я спрашиваю не ради праздного любопытства. Мне нужна консультация технически грамотного специалиста в весьма непростом деле. Причём исключительно честного специалиста. А дело касается вас непосредственно. Мы с большим трудом стараемся обеспечить машинами наше сельское хозяйство. Между тем во время уборочной кампании были случаи массового выхода из строя машин с двигателями завода ЗИЛ. Много случаев. Некоторые МТС вообще остались безлошадными. Была вскрыта масса вредительских организаций, но дела это не исправило. Сначала грешили на конструктивные недостатки мотора, но эта версия не оправдалась, так как на других МТС и в действующей армии моторы работали хорошо. Отбросили и версию производственного брака, так как ломались моторы из одних и тех же партий, которые в других местах опять-таки работали хорошо. ОГПУ настаивает на сознательном вредительстве непосредственно в процессе производства на ЗИЛе. Это уже привело к острому конфликту между товарищем Ягодой и товарищем Орджоникидзе, так как действия ОГПУ срывают выполнение плана автозаводом, и проблема приобрела, таким образом, государственный масштаб. Как вы думаете, возможно ли такое вредительство?

– Товарищ Сталин, я не могу вот так, с ходу, высказывать суждения. Не ознакомившись со всеми обстоятельствами, – попытался я уклониться, уж коли напрямую оказался не виноват.

Иосиф Виссарионович задумчиво прошёлся по кабинету, а потом с хитрецей улыбнулся:

– Правильно, товарищ Любимов. Утро вечера мудренее. Время уже позднее, – отец народов кивнул на напольные часы, стрелки которых уже показывали второй час ночи, – останетесь здесь, найдём для вас уголок. Завтра поедете в Кремль, где вам предоставят все необходимые материалы. Как будете готовы – доложите. А сейчас отдыхайте, вас проводят.

– Товарищ Сталин, мне бы домой позвонить...

– С утра позвоните, не надо никого беспокоить посреди ночи. Руководству вашего завода я передам, что вы временно находитесь в моём распоряжении. Спокойной ночи.

– Взаимно...

Это только кажется, что сильные мира сего живут исключительно в шикарных апартаментах. На самом деле даже у Васи Сталина, как я потом узнал, не было собственной комнаты. О спальнях для гостей и говорить нечего. Но ночлег в комнате отдыха сталинской охраны оказался вполне сносным, утром мне даже предоставили бритву и прочие мыльно-рыльные принадлежности, чтобы я мог привести себя в порядок.

Когда меня подняли, за окном было ещё темно, часы показывали семь без пятнадцати минут. Собравшись и позавтракав за час, я выехал в Москву. Очевидно, это была какая-то сталинская шутка, понятная только для своих, так как вёз меня целый кортеж из трёх Л-1 и одного «Линкольна», который и был предоставлен в моё распоряжение. Во всех четырёх машинах кроме меня и водителей ехал только сопровождающий, который должен был присматривать

за мной в Кремле. Я мог лишь предполагать, что таким образом Сталин хотел создать иллюзию именно своего раннего подъёма, поставив на уши госаппарат, привыкший к его появлению на рабочем месте ближе к обеду.

По прибытии на место меня препроводили в небольшой кабинет, у наружных дверей которого уже был выставлен часовой. Войдя внутрь, я даже присвистнул от неожиданности – прямо на полу стояли больше десятка картонных коробок, заглянув в которые, я обнаружил плотно уложенные уголовные дела. Вот те раз! Да мне этот объём въедливо и за неделю не перелопатить! Но глаза боятся, а руки делают, и я принялся за работу.

Первое же знакомство с ними позволило отсеять большую часть, так как они непосредственно не касались людей, работавших с техникой. Механизм был прост – водителя-вредителя забирало ОГПУ, где он признавался, что состоит в организации, и ещё три – четыре – пять человек шли за ним «прицепом». Единственное, на что я обратил внимание – за компанию с шофёрами садились совершенно случайные люди, отнюдь не самого высокого положения, какие-то колхозные конюхи, максимум агрономы.

Непосредственные же виновники выхода техники из строя все как один шли с формулировкой «умышленно ненадлежащий уход за вверенным механизмом». Что за этим скрывалось – оставалось только гадать, так как никаких иных доказательств, кроме признательных показаний, не имелось. Причём оставалось совершенно непонятным, каким образом сюда можно было прицепить меня как конструктора, или автозавод как производителя моторов.

Уже давно прошёл обед, который мне доставили прямо в кабинет, и большинство дел непосредственных виновников я просмотрел, когда раздался телефонный звонок, и я, подумав немного, взял трубку. Опасения, что мне не стоит этого делать – кабинет всё-таки не мой – не оправдались.

– Здравствуйте, товарищ Любимов, – глухо донеслось из динамика, – вы готовы?

– Предварительно, товарищ Сталин.

– Хорошо, жду вас прямо сейчас.

Когда мы с сопровождающим вошли в приёмную, Поскрёбышев только молча указал на дверь, и я вошёл. В кабинете вождя кроме него самого находился Орджоникидзе и какой-то незнакомый мне высокопоставленный чекист. Никто не удосужился мне его представить, а хозяин просто сказал:

– Мы слушаем вас, товарищ Любимов.

– Я ознакомился с уголовными делами, причём большая их часть к интересующему нас вопросу совершенно не относится, – уже первая моя фраза заставила Сталина сердито взглянуть на чекиста. – По остальным можно сказать, что расследование проведено поверхностно, не выявлены и не указаны причины, приведшие к выходу техники из строя. Следовательно, они до сих пор не устранены. Из рассмотренных уголовных дел никак не следует, что эти причины исходят из конструкции мотора или из его производства на автозаводе. Считаю направление расследования по этому пути необоснованным.

Я ещё не закончил, а Орджоникидзе уже принял торжествующий вид. Чекист, напротив, пошёл красными пятнами и чуть ли не выкрикнул.

– Да как вы смеете! Вы понимаете, что говорите? Вы фактически обвиняете ОГПУ в халатности и чуть ли не срыве индустриализации и коллективизации! Вы готовы ответить за свои слова?!

– Я перечислил только факты, исходящие из предоставленных мне материалов! – наезд чекиста вызвал во мне ответную агрессию. – Если вас интересует информация в полном объёме, то я должен иметь возможность осмотреть запоротые моторы и повторно допросить виновников. Благо часть из них, как ценные специалисты, содержится недалеко, в Дмитлаге.

– Наверное, товарищ Любимов прав, – перехватил инициативу Сталин, – в части дальнейшего расследования. Предлагаю организовать двустороннюю комиссию, которая и разберётся во всех обстоятельствах этого дела.

– Я полностью доверяю товарищу Любимову, – тут же заторопился Орджоникидзе, – и направляю от нашего наркомата именно его.

– Решение о комиссии ещё не принято, – возразил чекист, – считаю, что расследование – прерогатива ОГПУ.

– Ви, товарищ Ягода, – (вот те раз!), – очевидно не справляетесь с ним. Как верно указал товарищ Любимов, причины нэ устранены, и случаи массовых поломок моторов продолжают. Ми нэ можэм ждат, когда ви раскочаетэсь и научитэсь определять причины таких поломок! Сэгодня же позаботьтэсь и направтэ со своей стороны сотрудников, чтобы уже завтра комиссия начала работу!

– Прошу направить людей, ранее не связанных с этим делом, – тут же вставил я, опасаясь, как бы «старые» чекисты не начали прикрывать свои «хвосты».

– Поддерживаю! – тут же ответил Сталин, подводя черту. – Товарищ Любимов, вы свободны. До завтра. Завтра к вам на завод придут члены комиссии со всем необходимыми материалами и полномочиями.

Я развернулся и уже было хотел выйти, как меня остановил голос вождя:

– Подождите. По результатам проделанной вами за последние полгода работы мы решили наградить вас и предоставить вам в личное пользование автомобиль ГАЗ-А. Вот приказ по наркомату тяжёлого машиностроения. Поздравляю. Машину можете забрать прямо сейчас в кремлёвском гараже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.